Фанатка голого короля

Автор:
Дарья Донцова

Фанатка голого короля

Дарья Донцова

Виола Тараканова. В мире преступных страстей #31

Меня, Виолу Тараканову, не так-то просто обвести вокруг пальца! Однако милой подруженьке Лене Макеевой удалось повесить на мои уши килограмм лапши: якобы муж у нее, бедняжки, жадный монстр – и бьет-то он ее, и из дома выгоняет, и чуть ли не жизни лишить угрожает… Все оказалось полной липой! Кроме того, что Лену действительно вскоре убили… Не муж, правда, а какой-то маньяк – заодно с продавщицей придорожного магазинчика, куда моя приятельница забежала за конфетами. Преступник еще и таинственные автографы на теле жертв оставил – бумажки с нарисованными пятиугольниками. И кому, спрашивается, адресованы сии послания? Ломая голову над загадкой, я вовсе не рассчитывала нос к носу столкнуться с… моим разлюбезным бывшим муженьком, Олегом Куприным, которому поручили вести дело!

Дарья Донцова

Фанатка голого короля

Глава 1

На следующий день после свадьбы большинство женщин начинает активно перевоспитывать только что обретенного супруга, а через десять лет бросает

ему упрек: «Ты совсем не тот человек, за которого я выходила замуж».

– Юра стал таким агрессивным… – всхлипнула Лена и схватила чашку с капучино. – Что-нибудь скажет и буравит меня глазами, словно хочет во мне дырку просверлить. Затем велит: «Выскажи свое мнение по затронутому мною вопросу». Только я рот открою, слова вымолвить не успею, а благоверный уже орет: «Вечно ты со мной споришь!» Потом вообще дурдом начинается. Юрка посуду на пол швыряет, вопит нечто невразумительное, кидается в спальню, засовывает не глядя шмотье в сумку и визжит в режиме ультразвука: «Ухожу к маме!»

– В таком случае ты не можешь его услышать, – вздохнула я.

Лена на секунду примолкла, допила кофе и, наконец, удивилась:

– Почему?

– В школе нас учили, что человеческое ухо не воспринимает ультразвук, – объяснила я. – И вроде бы мать Юры скончалась много лет назад. Как он может к ней уехать? Или я путаю?

– Вот, – кивнула Ленка, – стопроцентное доказательство того, что Юрка стал психом, не способен адекватно оценивать ситуацию. Когда он в первый раз про побег к матушке заявил, я ему задала весьма резонный вопрос: «Ну и куда ты направишься? На кладбище?» Так Юра совсем человеческий вид потерял – сумищу с балкона швырнул. С седьмого этажа! Хорошо, торба никому по башке не угодила. Я потом полчаса его шмотки на улице собирала.

– Отлично! – скривилась я. – Супруг нахамил, а ты кинулась его вещи собирать. Пусть бы сам за бельишком побежал.

– Юрка отказался, – заныла Ленка, стремительно уничтожая пирожное со взбитыми сливками. – Я ему сказала: «Хватит психовать, несись вниз, а то голым останешься. Народ вмиг шмотье похватает, что упало, то пропало». А он в ответ: «Ну и хрен с ним, новое куплю».

– Вот и надо было спокойно сидеть у телика, – встряла я со своим советом. – Растащили бы Юркины джинсы-рубашки – его проблема!

– Ошибаешься, дорогая, это была бы моя проблема, – запричитала Макеева. – Думаешь, Юрка в трениках бы на работу отправился? Как бы не так! Запустил бы лапы в мой стратегический запас и весь его на себя потратил. А я собираю на очень нужную в хозяйстве вещь.

– На что? – не к месту полюбопытствовала я, глядя, как Ленка приступает к корзиночке из песочного теста с горой жирного крема. Похоже, переживания не лишили ее аппетита.

– На шубу, – произнесла Макеева, запивая лакомство колой. – Норковую, из цельных шкурок.

– У тебя же есть манто, – напомнила я, – совсем новое, ты его в прошлом ноябре приобрела.

– Ага, из кусочков, – надулась Ленка, – а надо из больших пластин. Если у женщины нет приличной шубы, окружающие считают ее мужа нищим неудачником. Не для себя стараюсь, а ради Юрки. Ну, представь, настанет зима, я приду к мужу на работу в кацавейке из обрезков, и как потом местное бабье шушукаться станет? «У Макеева жена оборванка, он не может красивую шубенку ей справить». Это ж какой удар по реноме Юры! Если разобраться, то, по сути, роскошное манто нужно не мне, а ему.

Я не успела прокомментировать последнюю фразу – Ленка сердито воскликнула:

– Я всегда права! Знаю, как будет лучше Юре! А он, говорю, совсем опсихел. У него теперь два лейтмотива скандалов. Первый: «Ты меня не уважаешь». Второй: «Ты вечно споришь». Я ему в ответ: «Нет, я с тобой не спорю»…

Мне стало смешно, изо рта вырвался неуместный смешок, который я постаралась закамуфлировать под кашель. Но Макееву трудно обмануть.

– Веселишься? Я тоже сначала полагала, что это ерунда, не обращала внимания на Юркины закидоны, но вчера вон чего случилось…

Ленка расстегнула тонкий трикотажный, но все равно слишком теплый для жаркого лета кардиган, скинула с плеч и осталась в одном сарафане.

– Боже! – ахнула я, увидев массу синяков и ссадин на теле подруги. – Что произошло?

– Да все то же! – зашмыгала носом Макеева. – Сначала муженек визжал про неуважение, затем порысил шмотье собирать. У меня терпение лопнуло, я и сказанула: «Хочешь жить у любимой мамочки? В могилке? Давай, поторопись, а то в десять вечера ворота кладбища запрут, останешься под забором». Макеев схватил зонтик, длинный такой, с набалдашником, и…

Лена снова надела кардиган, застегнула его на все пуговицы и посмотрела на меня.

– Что теперь делать, Вилка? Юра-то быстро отходит, через час после скандала прибегает прощения просить, а я долго не могу прийти в себя. Мне и через неделю после выяснения отношений обидно. Но вчера было иначе, мы легли спать в разных комнатах. Сегодня утром выхожу на кухню, смотрю – муж сам себе кофе сварил. В первый раз за всю нашу совместную жизнь к плите подошел! Я ему в шутку и говорю: «Молодец, Юрчик, о себе позаботился. Может, когда-нибудь научишься и о жене думать. Чего ж мне-то порцию не оставил? Я всегда тебе кофе готовлю, и, готова спорить, ты зерна, перед тем как молоть, не обжарил чуток для аромата. Ну и куда ты без моих советов?»

– Отличная шутка, – скривилась я, – очень-очень смешная. Лена, если ты постоянно так юморишь, то не удивительно, что твой супруг бесится.

Но подруга, не обратив внимания на мое замечание, продолжала:

– Юрка вдруг тихо сказал: «Я тебя убью. Насмерть. Навсегда жизни лишу». Весь побелел, выхватил из подставки нож и пошел на меня. Я сразу поняла – муж ума лишился! – и кинулась к двери. А он…

Ленка выставила из-под стола ногу и задрала сарафан почти до пояса. По ее бедру тянулся длинный, успевший слегка подсохнуть глубокий порез.

– Он меня за шиворот у вешалки поймал, – жалобно простонала Макеева, – спиной в куртки ткнул, лезвием по ноге чиркнул, выругался и прошипел: «Уходи, Елена, а то когда-нибудь я остановиться не смогу, горло тебе перережу. Сгинь с глаз, пока я добрый». Двинул меня кулаком в живот и в ванной заперся. А я схватила кардиган с сумкой и сюда приехала. Что делать-то? Вот только не говори про обращение в полицию! Там ответят: «Семейные ссоры нас не касаются, сами разбирайтесь». Наш участковый даже зада от стула не оторвет. Он еще имеет обыкновение на жалость давить, говорит: «Гражданка Макеева, нас премии лишают, если процент преступности по участку растет. Ну, оформлю я вашего мужа за хулиганку, и что получится? Вы же сами через день прибежите, зарыдаете: «Верните мужика, он хороший, я погорячилась». К начальству попрете, а я без тринадцатой зарплаты останусь…»

– В отделениях терпеть не могут улаживать супружеские дрязги, – кивнула я. И удивилась: – Но откуда ты знаешь, как поведет себя участковый?

Ленка неожиданно смутилась.

– Так я… ходила уже к нему. И он при виде меня морщился, старался побыстрее выпроводить из кабинета. А в последний раз совсем сдурел, буркнул: «Пишите на гражданина Макеева заявление, сходите в травмпункт, зафиксируйте побои». Вот идиот! Разве хорошая жена собственноручно мужа за решетку посадит? Естественно, я отказалась жалобу настрочить. А этому гаду только того и надо. Короче, выпер меня вон. Вот как наша доблестная полиция о женщинах заботится! Конечно, у меня же нету денег, чтобы участковому взятку дать. Вон Алину Васятину весной в парке изнасиловали, так полицейские через два дня преступника нашли. А почему? Ха! У нее отец владелец рынка, и он все отделение…

– Погоди! – остановила я ее. – Ты ранее неоднократно бегала к участковому? Зачем?

– Всего пару разиков и по веской причине. Например, в мае хотела заявить об изнасиловании, – сообщила подруга. – Но я не Васятина, у меня богатого папаши нет. Чтобы полиция зашевелилась, надо…

– Кто на тебя напал? Когда? – окончательно растерялась я.

Макеева вздернула подбородок.

– Юрка! Весной!

Я залпом выпила стакан минералки.

– Хочешь сказать, что за все время брака муж не приближался к тебе, а потом решил взять силой?

– Мы с ним в тот день поругались, – вздохнула Лена, – разорались друг на друга, и вдруг Юрка потащил меня в постель. А я не хотела. Но он ведь сильнее! Повторял, как псих: «Ленуся, перестань ломаться, я ж тебя люблю». И завалил на кровать. Без моего желания! Это изнасилование. Он сумасшедший!

– Ты серьезно хотела подать заявление? – уточнила я. – Представляешь, какой срок светит Юре за такое преступление и что с осужденным по этой статье сделают в СИЗО и на зоне?

Подруга легла грудью на пластиковый столик.

– Я не планировала запихнуть Юру в кутузку.

Я окончательно перестала понимать ее.

– Тогда какого черта потопала к участковому?

– Чтобы тот с ним побеседовал, поругал, слегка напугал, – сорокой застрекотала Лена, – сказал: «Перестань издеваться над женой, не спорь с ней постоянно, не качай права, лучше слушай, что тебе умная женщина советует».

– Детский сад! – вырвалось у меня. – Полицейские – не добрые тетушки-воспитательницы, журящие малыша за поломанную игрушку. Хорошо, что участковый тебя выгнал, запусти он машину, Юра бы из жерновов судебно-следственной мельницы не выбрался.

– Ругать все умеют, ты лучше подскажи, что мне делать! – зашептала Ленка. – Я боюсь Юрку! Он и правда убить способен. Чувствую собственную скорую смерть.

– Пожалуйста, не неси чушь! – остановила я Макееву.

Но она опять не слушала меня.

– Мне ночью покойная мама приснилась. Руки ко мне тянула и говорила: «Ленуся, мы вот-вот встретимся. Во вторник обнимемся по-настоящему». А какой сегодня день недели? Вторник. Вернусь домой, а там Юрка с тесаком затаился… – прошептала Ленка.

Я хлопнула ладонью по столу.

– Хватит! Прекрати истерику! Сейчас поедем ко мне на дачу. Положу тебя в саду в гамаке, попьем чайку, остынем и попытаемся понять, как действовать.

– Спасибо, Вилка, – всхлипнула Лена. – Но ты же на той фазенде сама в гостях, не имеешь права никого в гамак укладывать, потому что он не твой.

– Ерунда! – отмахнулась я. – Алла замечательная, Костя очень приветливый и целыми днями пропадает на работе, его брат уехал отдыхать, раньше конца августа не вернется. Поехали, тут пути на машине пять минут. Пообедаем, погуляем по саду.

– Нет, нет, – как испорченная пластинка, твердила Лена. – Спасибо за приглашение, мне бы очень хотелось провести некоторое время в тишине, среди интеллигентных людей… Но – нет!

– Да почему? – взвилась я. – Перестань упираться. Если Юрий регулярно поднимает на тебя руку, к нему возвращаться нельзя.

– Мне очень неловко, – сконфуженно призналась подруга, – я не могу рассказать посторонним о побоях. Со стыда сгорю, если твой жених и его мать узнают о том, какой Юра.

– И не надо ничего им говорить! – остановила я Лену. – Нет никакой необходимости оповещать Аллочку, Костю и двух их друзей, гостящих на даче, о твоих семейных проблемах. Поступим так: скажем, что твою квартиру затопили соседи сверху, переночевать тебе негде. Алла добрая женщина и сразу

предложит тебе пожить у нее. Пару дней отдохнешь, а там придумаем, что дальше делать.

– Тогда давай не скажем им, что я замужем. Пожалуйста! – взмолилась Елена. – Пусть все считают меня одинокой. Ведь странно проситься в гости без мужа, которому тоже негде ночевать, если в квартире потоп.

– Правильно, – кивнула я. – Не волнуйся, никто не узнает о побоях, главное, не снимай кардиган. Дам тебе пару платьев с длинными рукавами.

Лена вытащила из-под стола спортивную сумку.

– У меня вещи с собой. В твои крохотные шмотки я не влезу. Ох, Вилка, мне жутко страшно! Хорошо, когда есть такая подруга, как ты!

Я не успела ничего сказать, лежащий на столе мобильный Ленки издал характерное пощелкивание.

– Это еще кто? – скривилась Макеева. Схватила трубку и прочитала эсэмэску. – Вот дура! Совсем идиотка…

Последние слова она произнесла, набирая ответ.

– Что-то случилось? – полюбопытствовала я.

Макеева, убрав телефон, закатила глаза.

– Поражаюсь тупости и безответственности некоторых людей. Это мамаша одной больной девочки. Ей было велено привести ребенка на консультацию в полпервого, но она явилась раньше и устроила скандал. Я посоветовала ей спокойно подождать чуток, сказала, что к ним из отделения спустятся. Если я организовываю встречу с профессором, проколов не бывает, надо только прийти в указанный срок.

– Забудь о делах, поехали на дачу, – велела я. – Только расплачусь по счету…

– Как-то неудобно в чужой дом с пустыми руками, – занервничала Лена.

– Глупости, – отмахнулась я, – у Аллы все есть.

– Нет, неприлично заявляться в гости без коробки конфет! – отрезала Макеева. – Подожди пять минут, я сбегаю вон в тот павильончик.

– Не дури! – попыталась я остановить Ленку.

Но та никогда никого не слушает, переубедить ее невозможно.

– Я быстро, – пообещала она.

Я предприняла последнюю попытку урезонить упрямицу:

– Навряд ли в ларьке на подмосковной платформе найдутся свежие конфеты.

– Плевать на качество, – заявила Макеева, – главное, что я не с пустыми руками припрусь. Слушай, дай тысячу, а? У меня карточка, сомневаюсь, что в этой глуши их принимают.

Я достала кошелек.

– Вас рассчитать? – крикнула от стойки бара официантка.

– Да, пожалуйста, – ответила я, наблюдая, как Лена на всех парах несется к выходу.

Макеева выскочила на площадь, перебежала ее, обогнула павильончик и пропала из виду. Я бездумно рассматривала пустую пыльную улицу.

Станция «Брендино» – забытое богом место. У платформы притормаживают на считаные секунды далеко не все электрички, а скорые поезда свистят мимо на полной скорости. Обычно на привокзальных площадях возникают рынки, гомонит толпа, фыркают автобусы-маршрутки, а местные бабы торгуют всякой самодельной снедью. Ну и, конечно, там есть местный ЦУМ с кафе, в общем, жизнь бьет ключом. Но до станции «Брендино» не добрался дикий российский капитализм, из всех перечисленных мною благ цивилизации здесь были лишь

небольшая забегаловка «Парус», в которой мы и встретились с Леной, да магазинчик «Радуга».

Я живу в Брендине всего неделю, но уже успела познакомиться с продавщицей. Пришла купить на станцию газеты, узнала, что пресса продается вместе с продуктами, и зашла в павильончик. Крохотный снаружи, внутри он оказался на удивление просторным и походил на торговые точки, открытые при бензоколонках. Несколько рядов стеллажей, поставленных в беспорядке, были заполнены разными товарами. Бытовая химия мирно уживалась с хлебом, гастрономией и журналами-книгами. Касса находилась в противоположном конце от входа, и я, выбрав нужные издания, сказала хозяйке павильончика:

– Прямо у двери лежат шоколадки, а вам не видно, кто вошел. Наверное, часто недосчитываетесь товара?

– Покупателей мало, – ответила продавщица, – теперь все ездят в Ликино, пять минут, и вы в двухэтажном супермаркете. Там и выбор товаров больше, есть кинозал и кафе. На машине до него рукой подать, да и пешком недалеко. Ко мне редкие покупатели заглядывают, в основном местные пенсионерки, а они не вороватые.

Поболтав с женщиной минут десять, я узнала, что ее зовут Наташа Миронова и что она хочет избавиться от убыточного предприятия. За то время, когда мы вели неспешный разговор, в торговый зал никто не заглянул. Зря Лена помчалась туда за конфетами, Наташа продаст ей коробку с «седыми» от старости шоколадками.

Вам, наверное, интересно, как меня занесло в богом забытое место? Сейчас объясню, что я тут делаю.

Глава 2

Некоторое время назад в моей жизни произошли изменения – я рассталась с Юрием Шумаковым. Что произошло между нами, вспоминать, ей-богу, неохота, да я уже в деталях рассказала эту историю[1 - Виола упоминает события,

описанные в книге Дарьи Донцовой «Дьявол носит лапти», издательство «Эксмо».]. Потеряв навсегда Шумакова, я приобрела друга – Костю Франклина. Сначала ни о каких любовных отношениях между нами речи не было – мне не хотелось наступать на те же грабли снова, я вполне насладилась стуком их рукоятки по своему лбу. Но Франклин нравился мне все больше и больше.

Только не подумайте, что меня прельстило богатство Константина. Мои детективные романы, публикуемые под псевдонимом Арина Виолова, пользуются спросом у читателей, и хотя меня нельзя назвать самым популярным писателем России, тиражи у них вполне приличные, а гонорары достойные. Я зарабатываю себе на хлеб с маслом и сыром, имею новую квартиру, вожу симпатичную иномарку, совершаю путешествия за границу и так далее. Одним словом, абсолютно не нуждаюсь в спонсоре и очень довольна этим обстоятельством. Но как всем женщинам мне не хочется быть одной.

Сейчас у нас с Костей полыхает роман, и, похоже, у него большие планы в отношении меня, потому что недавно он сказал:

– Мама приглашает тебя пожить у нас на даче, хочет отблагодарить за поиски Ани.

Я смутилась.

– Твоя пропавшая сестра так и не нашлась, единственное, что удалось узнать: когда Анна покинула город Беркутов, она была жива.

– Что и подарило нам надежду! – воскликнул Костя. – Пожалуйста, не отказывайся, мама хочет тебя отблагодарить. И я присоединяюсь к ее просьбе. Тебе понравится у нас.

Учитывая финансовое положение Константина, его машину, одежду и часы, я предположила, что окажусь в одном из расположенных близ столицы элитных поселков в трехэтажном каменном особняке, по дубовым паркетным полам которого шныряет прислуга, и буду гулять по парку, обустроенному известными ландшафтными дизайнерами. Чтобы не ударить в грязь лицом перед хозяйкой, я уложила в чемодан несколько коктейльных и вечерних платьев, туфли на шпильках, прозрачные колготки и кучу косметики. Мать Франклина представлялась мне дамой, вроде английской королевы: безукоризненно одетой

леди с аккуратной прической и в очень дорогих украшениях.

Представьте же мое изумление, когда моим глазам предстала старая подмосковная дача, хоть снаружи и обложенная кирпичом, но внутри оставшаяся деревянной. Дом был двухэтажным, плюс мансарда, в нем имелось несколько санузлов, газ и электричество. В советские годы такая фазенда считалась бы дворцом эмира, но сейчас она выглядела весьма скромно. Удивляла и обстановка – никакого новодела, сплошные антикварные буфеты, резные деревянные столы, дубовые стулья, жесткие сиденья которых смягчали подушечки в самовязаных разноцветных наволочках. Кровати имели фундаментальные изголовья и были накрыты одеялами из натурального пуха, а полы покрывали шерстяные ковры с традиционным рисунком. Никаких синтетических паласов! На кухне не было СВЧ-печки и посудомоечной машины. Кофе домработница Галя варила в джезве. Вместо геля для посуды на подставочке возле раковины лежал кусок детского мыла, а рядом стояла банка с пищевой содой. Окончательно добила меня губка. Вернее, ее отсутствие. Сейчас почти у всех хозяек есть кусок поролона, к которому с одной стороны прикреплено жесткое зеленое покрытие. А у Аллы использовали раритетную вещь – связанную крючком «плюшечку». Увидев сей предмет, я взяла его в руки и едва не задохнулась от ностальгических воспоминаний.

Воспитавшая меня Раиса, принося из магазина овощи, всегда вытряхивала картошку, морковку, свеклу, лук из сеток в ящик под столом на кухне, пустые же упаковки не выкидывала. Тетка велела мне стирать их и высушивать на батарее, а потом нарезала полосками и вязала крючком из них мочалки для мытья посуды. Представляете, что я испытала, когда увидела, как Алла, мать очень богатого человека, занимается тем же рукоделием, сидя у телевизора?

Но самым поразительным на даче, словно провалившейся в дыру времени, оказалась библиотека, расположенная в мансарде. Когда Костя отвел меня туда, я не удержалась и воскликнула:

– Господи!

Все подкрышное пространство занимали явно специально заказанные шкафы, которые были забиты как художественной, так и научной литературой. Мировая классика перемежалась переплетенными годовыми подшивками журналов «Крокодил» и «Огонек».

– Можно посмотреть? – спросила я.

– Конечно, – улыбнулся Костя. – Библиотека не музей. Я все детство листал «Крокодил» довоенных и последующих лет, он мне заменял комиксы.

Я распахнула дубовую дверцу, увидела привинченную с внутренней стороны маленькую табличку с гравировкой «Магазинъ Мюръ и Мерелизъ»[2 - «Мюръ и Мерелизъ» – российский торговый дом (1857–1922). В 1922 году был национализирован. В одном из его зданий, возле Большого театра, открыли Центральный универсальный магазин – ЦУМ. – Здесь и далее примечания автора.] и опять не удержалась от восклицания:

– Ну и ну!

Костя сел в большое кресло, стоящее в центре чердака, и вкратце рассказал свою семейную историю.

Его прадедушка был профессором Московского университета, отличался замкнутостью, не любил шумные компании и в начале двадцатого века построил эту дачу. В те годы Брендино считалось невероятным захолустьем, но Степан Михайлович и его жена чудесно жили здесь все лето, возвращались в суетную Москву лишь с началом учебного года. Аня, родив сына, окончательно переселилась в деревню – воспитывала мальчика, обучала местных жителей грамоте, преподавала в сельской школе и была вполне довольна. Степан Михайлович рано понял, что правление Иосифа Сталина ничего хорошего стране не принесет, и тоже перебрался в Брендино. Супруги мирно обитали в глуши. Они не стали жертвами репрессий, о них просто забыли. Их сын пошел по стопам отца – закончил МГУ и остался там преподавать. Дачу дед Константина обожал и после смерти родителей ничего там переделывать не стал. Жена была ему под стать, и звали ее, как и умершую свекровь, Анной. У четы родилась дочка Аллочка, повторившая путь отца – девочка с красным дипломом окончила МГУ и тоже не покидала старый дом.

– Это наше родовое гнездо, – улыбнулся Костя. – Очень хорошо, что оно расположено в непрестижном направлении, вокруг масса брошенных деревень, здесь немноголюдно. Я не посмел разрушить дачу, просто пару лет назад провел полную ее реставрацию и капитальный ремонт, проложил новые трубы, поставил современные котлы отопления и мощный генератор.

– Батареи тут старые, чугунная гармошка, – перебила его я, – им куча лет!

– Их отреставрировали, – пояснил Костя. – Крышу заменили, укрепили фундамент, дерево обработали особым составом, ему не страшны ни огонь, ни жучки. Теперь дом простоит еще сто лет. Во времена моего детства стены красили в голубой цвет, и в сочетании с красной крышей дом выглядел как пасхальное яйцо. Но когда я пошел в девятый класс, его обложили кирпичом. Представляешь, как сложно было добыть этот материал в советские годы? Жили мы не богато, мама крутилась, как могла. Но дача для нее словно родной, любимый человек, поэтому она и сделала ремонт. Ну, а потом уж я занялся полной реконструкцией. Скажи, мне ведь удалось сохранить дух старинного дома, несмотря на масштабную реставрацию?

– Полнейшее ощущение, что я перенеслась в первую треть двадцатого века! – воскликнула я. – Конечно, я не знаю, как тогда жили люди, поскольку появилась на свет намного позже, но чувство именно такое. Удивительно, что все вещи в отличном состоянии. Ладно, библиотека, книги живут веками. Но ковры? Они у вас не висят на стене, по ним ходят, а выглядят, как новые. Абажур в столовой шелковый и до сих пор не прогорел. А постельное белье… Белое, льняное, простыни с каймой, пододеяльник с овальным вырезом посередине, наволочки с пуговичками. Сейчас одеяло и подушку засовывают в мешки с клапанами. И никакой лен не выдержит, если его стирать много лет. Такое белье продавалось в Москве в шестидесятые. Раиса пользовалась похожим, но оно совсем истрепалось еще во времена моего детства. Тетка доставала комплект из шкафа и причитала: «Выдали мне на заводе премию, и я ее всю на бельишко ухнула. Купила наилучшего качества, чтоб надолго хватило. Но ничего вечного нет, поистерлась простынка. Ладно, я ее посередине разрежу и края сошью, будет со швом в центре, зато целая». А у Аллы белье в гостевой выглядит абсолютно новым.

Костя улыбнулся.

– Некоторые люди коллекционируют картины, другие открытки, третьи марки, а моя мама хочет сохранить прежний дух и облик дачи. Она очень расстраивается, если что-то приходит в негодность, поэтому я всегда начеку. Абажур сделали год назад, я им заменил старый, ковры специально для нас выткали в Таджикистане. Белье сшили монашки, но до того, как они принялись за работу, я заказал в Иванове несколько рулонов льняного полотна образца прошлого века. Обеденный сервиз привез из Питера, он изготовлен мастерами Ломоносовского

завода тоже по моей просьбе.

– Дом-музей, – пробормотала я.

– Это неверно, – возразил Франклин. – Экспозиции отгораживают шнуром и снабжают табличками «Не садиться», «Не трогать», «Не ходить». А здесь хоть и особый, но живой мир. Мама непростой человек, с оригинальным мышлением, очень семейный, почитающий предков.

К тому времени я прожила на даче три дня и уже успела понять, что у хозяйки своеобразный характер.

Начнем с того, что мать Кости решительно не похожа на пенсионерку. Алла Фокина моложавая, веселая, модно одетая женщина, полная жизненных планов. Она не сидит день-деньской у телевизора и не пилит родственников, с ней можно побеседовать на любую тему от кулинарии до политики. Алла с удовольствием поддержит любой разговор, но настоящее наслаждение ей доставляет беседа про сына. Хотя стоп! Я употребила слово «беседа», но едва речь заходит о Косте, как его мать моментально забывает о светском воспитании и принимается рассказывать о любимом сыночке, не давая присутствующим вставить ни словечка.

В день моего приезда Алла усадила гостью в столовой на диване, вытащила пудовые альбомы и начала демонстрировать снимки Кости. Открывалась экспозиция канонической фотографией: на расстеленном байковом одеяльце на животе, чуть приподняв голову, лежит пухленький младенец. На следующих фотографиях я увидела Костю в костюме зайчика, Костю у елки, Костю на даче, Костю в первый школьный день, Костю на море… Никаких снимков его родного брата и сестры не было и в помине. Мне оставалось лишь гадать, почему фотограф ни разу не запечатлел других детей Аллы. Может, где-то в шкафах лежат альбомы с фото второго сына и дочери Ани, которая намного младше братьев?

Кстати, раз уж зашла речь о ближайших родственниках Кости, скажу, что его брата зовут… тоже Константином. Более того, они близнецы. Но их сходство исключительно внешнее, по характеру братья полярны. Один успешный бизнесмен, веселый, разговорчивый, свой в любой компании человек. Второй же владеет пиццерией, причем постоянно находится на грани разорения, замкнут,

не любит общаться с людьми, предпочитает проводить время в одиночестве. Первый живет вместе с матерью, в собственной квартире. У первого неисчислимое количество знакомых, второй почти аутист, на его день рождения приходят только мать и брат. Первый стал врачом, проработал пару лет в реанимации, уволился и занялся бизнесом, второй сидел дома сложа руки, высшего образования у него нет. В результате имя первого теперь в списке «Форбс», и он помогает материально второму, вливая средства в его вечно пребывающее на грани краха небольшое дело.

Какому родителю придет в голову дать мальчикам-близнецам одинаковые имена? Могу назвать лишь одного человека: поэт Константин Фокин. Когда его жена Алла родила двойню, он решил, что оба сына должны стать Константинами. Вот попробуйте вслух произнести: Константин Константинович. Язык же сломать можно! Больше похоже на скороговорку.

Обычно, если у отца длинное имя с преобладанием согласных букв над гласными, сына называют коротко – Иван, Олег или, скажем, Игорь. Аллочка попыталась донести до супруга эту мысль, но он не пошел на уступки. Поэт поставил жену перед выбором:

– Или их обоих зовут Костей, или я ухожу из семьи.

По мне после такого заявления ей следовало сказать:

– Ну и пожалуйста, дверь открыта!

Но Алла не хотела остаться одна, и, вероятно, она любила своего вздорного супруга, поэтому подчинилась. Каким образом удалось уговорить работников загса выписать две идентичные метрики, я не знаю.

В детстве и отрочестве мальчики, подхватив какую-нибудь детскую инфекцию вроде кори, слышали слова отца, обращенные к матери:

– Что ты переживаешь? Двое сыновей никогда вместе не умрут. Если один Костя скончается, у нас останется второй Костя. По сути ничего не изменится.

Похоже, глава семьи был с большим заскоком или имел психическое заболевание, но Алла не ссорилась с супругом и не пыталась его лечить. Стоит отметить, что отец никогда не унижал, не бил детей, не повышал голоса, общаясь с сыновьями. Все карательно-воспитательные функции были возложены на мать. Отец сидел целыми днями в кабинете – строчил свои вирши. Но, увы, славы Роберта Рождественского или Андрея Вознесенского он не получил. Сборники Фокина не пользовались популярностью из-за черной депрессивности, в каждом стихотворении непременно шла речь о смерти и страданиях. Зарабатывал Фокин копейки, и его не смущало, что семья существует на оклад жены-преподавателя да на средства, которые им дает тесть-академик.

Фокин скончался, когда близнецам исполнилось пятнадцать лет. После его ухода из жизни сначала Алла, а потом и все остальные стали именовать мальчика, появившегося на свет вторым, Кириллом. Первый остался Константином. Но в документах мать ничего менять не стала. Франклин – творческий псевдоним Кости, под этой фамилией он, страстно увлекающийся фотографией, публикует свои снимки и устраивает выставки. Фамилию Фокин он не любит, Костя предпочитает представляться как Франклин.

Глава 3

На просмотр семейных альбомов ушло несколько часов, и я, честно говоря, обрадовалась, когда Алла, захлопнув кожаную обложку, объявила:

– Все.

Но только я слегка расслабилась и уже хотела под благовидным предлогом смыться из комнаты, как хозяйка встала, открыла другой шкаф, вытащила из него коробки и сказала:

– Здесь грамоты и дипломы Костика. Первую награду он получил еще в детском садике за роль пуделя Артемона в спектакле «Золотой ключик».

Делать нечего, пришлось охать и ахать, рассматривая награды. Когда же и с ними было покончено, Аллочка взяла меня за руку и произнесла:

– Вилочка, Костя прекрасный человек, а ты очаровательная женщина, из вас выйдет чудесная пара. Я счастлива обрести такую умную, талантливую невестку, как ты!

– Простите, Алла, – пробормотала я, предупрежденная, что она не любит, когда к ней обращаются по отчеству, – мы с Костей просто друзья.

– Знаю, – перебила она меня. – Но ваша дружба непременно перерастет в любовь. Костя никогда не приводит в дом тех, с кем не планирует быть связанным на всю жизнь. Вот, например, ты видела за обедом Федора и Лялечку. С обоими Костик давно познакомился. Ой, не подумай, никакого романа у него с Лялей не было! Она позже вышла замуж за Андрюшу Москвина, который стал добрым приятелем Кости. Повторяю, людей, к которым сын равнодушен и встречу с ними считает эпизодом, он сюда не приглашает. Дом в Брендине – особое для него место. Если его друзья привозят с собой компанию, мы только рады. Костик радушно примет гостей, я обожаю веселые шумные компании. Но! Сам сын зовет на дачу лишь особенно любимых. Вот такой нюанс. В общем, слушай меня внимательно. Мужчины, даже весьма успешные на работе, как правило, мямли в личных делах. Им нужен хороший толчок, чтобы они раскрыли рот и произнесли: «Дорогая, вот тебе мои рука и сердце!» Ты хочешь выйти замуж за Костю. Пожалуйста, не возражай! Такого идеального человека, как мой сын, мечтает заполучить в мужья любая женщина. Я тебе помогу…

И на меня обрушился водопад сведений о привычках и пристрастиях Кости. Он любит яичницу с колбасой, черный хлеб, котлеты, пюре, геркулесовую кашу, не отказывается от морепродуктов. Но никаких устриц, на них у него аллергия. За полчаса я узнала о Константине абсолютно все, и у меня возникло ощущение, будто я приехала не в гости, а в питомник для покупки элитного котенка, и его хозяйка подробно инструктирует будущую владелицу о том, как лучше о нем заботиться, чтобы четверолапое не потеряло товарного вида…

За моей спиной раздался резкий звон. Я вынырнула из воспоминаний, поняла, что официантка всего-навсего разбила тарелку, и опять уставилась в окно.

Зря Ленка помчалась в павильон за конфетами. Алла, конечно, с улыбкой примет подарок, рассыплется в благодарностях, но она ни за что не прикоснется ни к одной из шоколадок. Мать Кости интеллигентная дама, поэтому знает: если гость принес «Ассорти», надо тут же пригласить его попить чаю и поставить на стол его подношение. Алла, конечно же, поступит так, как ей предписывает

воспитание. Полагаю, она распакует коробку на кухне, а когда принесет ее обратно, в ячейках окажутся не «родные» конфеты, а те, которыми она запаслась для такого случая. Почему она подменит сладости? Да потому, что она… как бы помягче выразиться… повернута на здоровом питании. В ее доме появляются только проверенные продукты.

Я переменила позу, не отрывая взгляда от окна. Ну сколько можно выбирать гостинец? Ленки нет почти пятнадцать минут! Что она делает в крохотной лавчонке? Неужели там много покупателей? Центрального входа в сельпо, обращенного к лесу, отсюда не видно, и пока я разглядывала площадь, из-за угла магазинчика вынырнул только один мужчина, похоже, отъявленный алкоголик или наркоман.

Почему я подумала, что он пьяница или сидит на игле? Нынешнее лето выдалось в Москве жарким и душным, народ даже на работу ходит в шортах и майках, в том числе и мужчины. А я только что видела человека, упакованного в темные джинсы и толстовку. Незнакомец закутался так, словно сейчас прохладная осень, натянул на голову капюшон, надел демисезонные ботинки. У пьяниц и людей, подсевших на наркотики, часто нарушается терморегуляция. Всем вокруг жарко, а их колотит в ознобе. Хотя, может, этот парень просто болен?

Через плечо у него висит дешевая сумка с логотипом «Аптека «Улыбка». Эта сеть предприятий, несмотря на не совсем подходящее название, пользуется популярностью у москвичей, у них широкий выбор медикаментов и вполне вменяемые цены. Я сама заглядываю в «Улыбку», и мне в начале июня подарили точь-в-точь такую сумку – их раздавали всем, кто потратил за один раз более пяти тысяч рублей. Помнится, я тогда покупала дорогие американские витамины и хотела еще приобрести крем для тела. Но был только с запахом ванили, а поскольку этот аромат очень нравился Шумакову, я передумала.

На секунду мне стало грустно. Я продолжала рассматривать площадь, пытаясь прогнать из головы вопрос: почему, прожив с человеком несколько лет, я так и не поняла его сущности, а теперь гоню воспоминания о нем и даже отказалась от некогда обожаемого крема?

Алкоголик тащился к железной дороге, лицо его скрывал низко надвинутый капюшон. Похоже, продавщица Наташа не отпустила ему водку, потому что сумка с названием аптеки казалась пустой. Вдруг мужчина остановился, сделал пару шагов, согнулся пополам…

Меня передернуло от отвращения. Приятного тебе аппетита, Вилка!

Пол забегаловки начал трястись, к станции приближалась электричка. Пьяница выпрямился и неожиданно резво побежал к перрону, где останавливаются поезда, идущие в сторону Москвы. На площади появилось новое действующее лицо – тетка с сумкой на колесиках. Она обогнула магазин и исчезла из вида.

Пора и мне поторопить Макееву. Я встала.

– Девушка, вы испачкали юбку! – воскликнула официантка. – Кажется, кофе пролили.

Я взглянула на пятнышко.

– Нет. Утром я хотела погладить сарафанчик, а утюг «выплюнул» через дырочки для пара комок накипи. Мне было лень переодеваться, я подумала, что никто не заметит.

– Ой, вечно я глупости говорю. – Девушка заулыбалась. – Не обращайте на мои слова внимания, вы прекрасно выглядите!

Я расплатилась по счету и, не торопясь, вышла на улицу, двинулась через пыльный пятачок, завернула за угол ларька, поднялась на облезлое крылечко, дернула на себя поцарапанную железную дверь, вошла внутрь и увидела несколько рядов стеллажей с товарами. В отличие от многих столичных универсамов, здесь пахло продуктами и не воняло гнилью. Но стояла такая странная тишина, словно в магазине не было людей.

Я сделала шаг и крикнула:

– Лена!

В ответ не раздалось ни звука. Мне почему-то стало не по себе, и я повторила:

– Ленуська, отзовись!

Снова никакой реакции. Я пошла к кассе, увидела сумку на колесах, а еще через секунду заметила ее хозяйку, лежащую на полу. Кинулась к ней со словами:

– Вам плохо?

Тетка никак не отреагировала на вопрос. Похоже, она потеряла сознание. Я схватила со стеллажа бутылочку минералки, открутила пробку и стала брызгать водой несчастной на голову. На улице вот уже две недели стоит эфиопская жара, и людям с лишним весом сейчас приходится тяжело. Незнакомка упала в обморок, видимо, у нее тепловой удар.

Я взяла с другого стеллажа упаковку бумажных полотенец, намочила одно и стала протирать бедняге лицо и шею, приговаривая:

– Очнитесь, пожалуйста…

Потраченные усилия не пропали даром, женщина приоткрыла глаза и зашептала:

– Что?

– Все в порядке, – ответила я, – вам стало дурно из-за духоты. Давайте помогу вам сесть и, если хотите, вызову «Скорую помощь».

– Кто? – спросила покупательница.

– Меня зовут Виола Тараканова, – представилась я. – Пожалуйста, не волнуйтесь.

– Кто ее убил? – еле слышно произнесла тетушка.

Я поняла, что у нее после падения плохо с головой, и попыталась успокоить собеседницу:

– Все живы и здоровы. Можете дать мне руку? Помогу вам сесть. Как вас зовут?

– Ирина, – вполне разумно представилась дама. – Наташа не умерла?

Я вынула мобильный.

– Простите, Ирочка, я нахожусь в Брендино в гостях и не знаю, как у вас вызывают неотложку. Какой номер надо набрать? Ноль три или местный?

Тетушка повернулась на бок, уперлась рукой в пол, со стоном села и схватилась за голову.

– Ой, как кружится!

– Вам нельзя делать резких движений, – предупредила я. – Так как вызвать сюда медиков?

– Пока они приедут, сто раз помрешь, – прокряхтела Ирина. – Господи, как же я перепугалась! Говорите, она в порядке?

– Кто? – уточнила я.

– Наташа, – выдохнула Ирина. – Я подошла к кассе, крикнула: «Натка, ты куда подевалась?» А она молчит, словно онемела. Ну, я и перегнулась через прилавок, подумала, может, ей дурно от погоды стало. А там…

Ирина прервала рассказ на полуслове.

– Что там? – не поняла я.

– Вы туда не глядели? – поинтересовалась Ира. – Откуда тогда вы знаете…

Она закрыла глаза и медленно опустилась на пол. А я кинулась к узкому прилавку, расположенному в паре метров от нас, перевесилась через него и чуть не заорала во весь голос.

На серо-черной плитке, разбросав в стороны руки, лежала продавщица. В том, что она мертва, не оставалось ни малейших сомнений – посреди лба Наташи, чуть повыше бровей, зияло входное пулевое отверстие.

Я выпрямилась, сдернула с крючка два полиэтиленовых пакета, сделала из них подобие бахил, позвонила Косте, а потом, забыв про всхлипывающую на полу Ирину, пошла по торговому залу, мерно выкрикивая:

– Ленка, выходи! Здесь нет никого, кроме меня! Не бойся!

Я обошла лавку несколько раз, потом присела около Ирины и сделала очередную попытку привести ее в чувство.

В конце концов она поднялась, и мы в обнимку побрели к выходу. Как раз дошли до двери, когда в лавчонку влетел Костя.

Если вы пишете криминальные романы, были замужем за сотрудником уголовного розыска, а потом жили в гражданском браке с работником убойного отдела, то понимаете, как нужно себя вести, обнаружив труп.

– Стой, не двигайся! – приказала я. Сбегала к прилавку, принесла Франклину два прозрачных пакета и велела: – Натяни их на ботинки, нельзя наследить на месте преступления.

– Я уже вызвал местную полицию, – сообщил Костя, выполнив приказ.

– Молодец, – похвалила я, – теперь помоги вывести Ирину на улицу.

Едва мы успели выйти на площадь, как к магазинчику подкатил еле живой от старости автомобиль. Такие во времена моего детства называли «козлами». Из недр тачки выбрались двое полицейских, один совсем молодой, другой пожилой, и уставились на нас.

– За прилавком лежит мертвая продавщица, – сообщила я.

– Небось ее от жары инфаркт хватил, – сделал поспешный вывод старший по званию. – Иди, Серега, глянь, я пока покурю.

– Есть глянуть, Николай Петрович! – бойко отозвался паренек. – Разрешите исполнять?

– Вот блин… – рассердился напарник. – Сколько раз тебе повторять – у нас не армия, забудь про свои прежние привычки. Надо головой думать, а не исполнять!

– Есть! – резво откликнулся Сергей. – Разрешите исполнять думать головой?

Николай Петрович потер ладонью лоб.

– Исполняй, несчастье мое.

Юноша поспешил ко входу в лавку.

– Сергей! – остановила я полицейского.

– Я! – выкрикнул тот, оборачиваясь.

– Бахилы наденьте.

Парень вытаращил глаза.

– Чего?

– Нельзя затаптывать место преступления, – пояснила я, – странно, что сотрудник полиции хочет войти в магазин в ботинках. Потом эксперты замучаются ваши следы отделять.

– Николай Петрович, – жалобно протянул Сергей, – о чем это она?

– Иди, Серега, – махнул рукой старший по званию. – Насмотрятся сериалов и командуют… Нет у нас, дамочка, бахилов! Денег в бюджете кот наплевал. Если вы такая умная и можете благотворительную помощь оказать, купите да и подарите их нам. Кто первый обнаружил тело? И вообще, может, оно еще живое.

– С пулевым ранением в голову сложно быть живым, – произнесла я.

– Ну и с чего вы решили, что пулевое? – разозлился Николай Петрович. – Может, ножом ткнули или отверткой.

– Рана имеет овальную форму с хорошо видным даже с расстояния ободком загрязнения, – уточнила я, – для холодного оружия это не характерно.

– Вы кто? Где работаете? – занервничал служивый.

– Виола Ленинидовна пишет детективные романы, – ответил за меня Константин.

– Вот и тюкайте себе по компьютеру, – отрезал местный Шерлок Холмс, – не мешайте профессионалам. Сидите на лавочке и ждите, когда вас опросят!

Глава 4

– Ты как себя чувствуешь? – шепотом поинтересовался Костя.

– Не могу назвать сегодняшний день удачным, но в принципе нормально, – ответила я. – Наверное, кто-то польстился на выручку, хотел забрать деньги из кассы, а Наташа не отдала. Или негодяй потребовал у нее бесплатно водку с закуской, возмутился из-за отказа и открыл пальбу. Но куда подевалась Ленка? Может, она стала свидетельницей ограбления и удрала? Тогда почему не звонит?

– Сама ей набери, – предложил Костя.

Оставалось лишь удивляться, почему столь простая мысль раньше не пришла мне в голову. Я быстро нажала нужные кнопки и услышала мелодию детской песенки «От улыбки станет всем светлей». Звук шел из кармана платья Ирины.

– Вас разыскивают, – повернулся к тетке Костя.

Женщина вздрогнула и неожиданно смутилась.

– Ага.

– Почему не берете трубку? – вкрадчиво поинтересовалась я.

Ира вытащила плоский мобильник и уставилась на него.

– Вам плохо? – заботливо спросил Франклин. – Хотите, я за вас отвечу?

Из того же кармана понеслась пронзительная трель. Ирина положила распевающий айфон себе на колени, добыла из платья допотопную трубку, быстро отключила ее и заплакала.

– Что происходит? – растерялся Франклин.

Я показала на замолчавший дорогой телефон.

– Ирина не отвечала, потому что не знала, как обращаться с этой моделью. Понимаю ее растерянность, никаких кнопочек там нет. Это айфон Лены. Как он к вам попал?

– Думала, это маленький магнитофончик, – захныкала тетка, – внучка такой просит, хочет через наушники музыку слушать. Лежал на полу… его могли раздавить…

– Вы приняли айфон за плеер, аппарат нашли в магазине и взяли себе? – спросила я.

– Нет, нет, – испугалась Ирина, – я не могу украсть! Увидела эту штучку, решила, что ее кто-то из посетителей потерял, подобрала, хотела продавщице отдать, а Наташка мертвая!

Я нахмурилась. Если ты намерен отдать чью-то потерю кассиру, то навряд ли положишь ее в собственный карман. Скорее понесешь в руке и выронишь при виде трупа от ужаса.

– В ларьке есть чулан, – вдруг пояснила Ирина. – Наверное, ваша знакомая услышала выстрел и спряталась. А телефон у нее из кармана вывалился и к

стеллажам отлетел.

– Я не заметила никаких дверей, когда обходила павильон в поисках Лены, – пробормотала я.

– Она неприметная, – обрадовалась смене темы Ирина, – без табличек, сливается со стеной, в один цвет окрашена. Заберите сотовый и отдайте подружке.

– Алло, Игорь Валентинович! – заорал мужской голос. – Пришлите машину на трупы.

Мы с Костей одновременно повернулись на звук. Николай Петрович стоял у входа в павильончик и кричал в мобильный:

– Алло! Как нет труповозки? Жара стоит, нельзя ждать до вечера! Два тела. Одно – огнестрел, второе – не знаю. При осмотре глазами никаких повреждений не видно. Игорь Валентинович, куда труповозка уехала? В Пруткино? Ну, ваще! Что нам делать?

Меня смело со скамейки, и я подлетела к полицейскому.

– Вы обнаружили еще одного мертвого человека?

– Не мешайте работать! – заорал Николай Петрович, пряча трубку.

И тут подключился Костя. Он очень вежливо обратился к представителю закона:

– Уважаемый Николай Петрович, мы с Виолой Ленинидовной будем крайне признательны вам за небольшую толику информации. Очень признательны.

Словно по волшебству, в руках Франклина появилось дорогое портмоне.

– Спрашивайте, – подобрел полицейский, пряча в карман шуршащую купюру.

– Вы обнаружили второго мертвеца? – еле слышно повторила я. – Где?

– В кладовке, – отрапортовал полисмен. – Женщина, крашеная блондинка, голубой сарафан, белая кофточка, босоножки.

Я вцепилась в руку Кости.

– Это Лена!

– Можете назвать ее личность? – обрадовался Николай Петрович. – Документов в сумочке нет. Ну, народ! Нельзя же без паспорта на улицу высовываться. Вдруг убьют? Мороки потом твою фамилию устанавливать. Граждане о полиции не думают, работу нам не облегчают, а вот ругать горазды.

Я отпустила Франклина и побрела к скамейке. Дальнейшие события происходили словно в тумане. Вроде Костя посадил меня в свою машину и повез на дачу, но ни дороги, ни того, как я очутилась в родовом гнезде Фокиных, я не помнила.

* * *

Нос ощутил запах лосьона после бритья, потом я услышала тихий голос:

– Вилка, проснись!

Я села в кровати, открыла глаза и увидела поднос и Костю в светлом костюме.

– Извини, что разбудил, – сконфуженно произнес он, – но мне пора на работу. Очень тебя прошу, ни слова не говори о том, что произошло вчера в магазине, ни Алле, ни Феде с Лялечкой. Мама очень эмоциональна, смерть даже незнакомых женщин выбьет ее из колеи. Стоит тяжелая для сердечников погода, не дай бог, у нее случится инфаркт. А Лялечка не способна удержать язык за зубами, мигом выбалтывает все, о чем услышала.

– Конечно, – пробормотала я.

– Ты как? – спросил Франклин. – Вчера выглядела плохо. Заснула в машине и не очнулась, когда я в дом тебя нес. Сказал Алле, что у тебя от духоты разыгралась

мигрень.

– Хорошо, – кивнула я, – буду придерживаться твоей версии.

Костя сел на постель и взял меня за руку.

– Понимаю, как тебе тяжело. А еще объективно оцениваю способности местных сыщиков, поэтому в одиннадцать утра в Брендино приедет бригада из Москвы. Я позвонил кое-кому, не хочу, чтобы преступник, убивший твою подругу и продавщицу, остался безнаказанным.

– Спасибо, – прошептала я.

– Пригласить их на дачу нельзя из-за мамы, – вздохнул Франклин. – Ты сможешь приехать в кафе «Парус» к указанному сроку? Конечно, это место не вызовет у тебя приятных эмоций, но…

– Можешь не продолжать, – остановила я Костю. – Прекрасно понимаю, чем чреваты для пожилой дамы волнения да еще жара в придачу. Но Аллу могут поставить в известность местные жители. Полагаю, происшествие в магазинчике теперь основная тема бесед в Брендине.

– Мама ни с кем из аборигенов не общается, – пояснил Франклин, – они с Галиной ездят за продуктами в Ликино, там большой супермаркет и рынок. Извини за неудобства, но придется тебе съездить к платформе «Брендино» самой.

– Все нормально, – стараясь казаться беззаботной, заявила я. – Вот только моя машина осталась на площади у кафе.

– Обижаешь, – улыбнулся Франклин и поцеловал меня в нос, – ее давно пригнали, помыли и заправили. Петя с утра постарался. Правда, мой водитель еле-еле вылез из твоей малолитражки. До сих пор повторяет: «Что за дурак придумал тазик, в котором у шофера колени подпирают уши?»

Продолжая говорить, Костя украдкой покосился на часы, стоящие на тумбочке. Я проследила за его взглядом и сказала:

– Пора собираться, времени мало.

Когда я спустилась на первый этаж, Алла спросила:

– Как твоя голова?

– Спасибо, уже не болит, – улыбнулась я.

– Ненормальная погода! – воскликнула Лялечка, тоже сидевшая за длинным столом над тарелкой с омлетом. – А у нас в больнице нет кондиционеров, в палатах нечем дышать.

– Вот безобразие! – возмутилась хозяйка дома. – Надо хоть вентиляторы людям поставить.

– Нет, ни в коем случае! – возразила Лялечка. – Лежачий человек находится в зоне риска по пневмонии, а вентилятор провокатор простуды. В клинике положено ставить особую аппаратуру для охлаждения воздуха, но мало где в столичных больницах она есть. О частных лечебницах я не говорю, там иные условия, чем в муниципальных.

– Будешь болтать, опоздаем, – буркнул Федор.

Лялечка умолкла на полуслове и схватила чашку.

– Какие у тебя планы на сегодня, Вилочка? – поинтересовалась Алла.

– Бездельничать буду, – честно призналась я.

– Давай съездим за покупками, – предложила мать Кости. – Тут неподалеку есть прекрасный торговый центр и неплохой рынок. С Галиной мне скучно, Лялечка с Федей сейчас уедут на работу, сын уже умчался в офис, никто, кроме тебя, составить компанию мне не может.

– С удовольствием отправлюсь с вами, – пообещала я, – но, если можно, часа через полтора, мне надо подъехать на станцию. Вчера покупала там газеты, потом решила выпить капучино и оставила в кафе на столе телефон.

– Растяпа! – покачала головой Алла.

– Верно, – согласилась я, – просто Маша-растеряша.

Лялечка рассмеялась.

– Все женщины раззявы, – произнес Федя, вставая. – А еще они вечно опаздывают. Вот моя сестра, например, и на собственные похороны вовремя не явится.

– Феденька, очень неблагородно делать такие заявления! – с укоризной воскликнула Алла.

– Так я правду сказал. Все прекрасно знают, как с ней договариваться, – не смутился он. – Помните, как она на свое бракосочетание собиралась? Андрюшка уже решил, что невеста его бросила. Стоит бедный жених час с лишним у загса, гости с ноги на ногу переминаются, перешептываются, не знают, как себя вести. И тут – явление Христа народу! Подъезжает на такси Лялечка, выходит и кричит: «Эй, вы чего такие кислые? У нас свадьба, а не поминки!»

– Я была не виновата, – начала оправдываться Ляля, – меня парикмахер задержал. У него ужасная укладка получилась, и я велела переделать, так он назло мне еле-еле руками шевелил.

– Если ты еще языком будешь молоть, то не успеешь на летучку, и главврач взбесится, – оборвал сестру Федор.

Лялечка поспешно проглотила большой кусок омлета, подавилась, запила его чаем, поперхнулась, закашлялась и поспешила к лестнице. Ее брат, недовольно бурча что-то себе под нос, двинулся в сторону прихожей, но на полпути остановился и неожиданно спросил у меня:

– Если ты забыла телефон, то как узнала, где трубка?

– Позвонила по своему номеру, – удивленная вопросом, объяснила я. – Полагала, что услышу фразу «абонент находится вне зоны действия сети», но все же решила использовать шанс. А аппарат работал, ответила официантка. Она

заметила его уже после моего ухода и ждала, пока я спохвачусь.

– А-а-а… – протянул Федя и исчез за дверью.

– Непременно дай честной девушке денег, – посоветовала Алла.

– Конечно, – кивнула я. – Вам не кажется, что Федор слишком суров с сестрой?

– Нет, Феденька нежно любит Лялечку, – не согласилась Алла. – Просто он старше и привык заботиться о ней.

– Ляля давно взрослая, – напомнила я. – Странно, что она не спорит с Федором.

Алла встала из-за стола.

– Гавриловы рано остались без родителей. Феде тогда едва исполнилось девятнадцать, сестре тринадцать. Лялю хотели забрать в детдом, но Федя не отдал девочку, оформил опекунство, пошел работать шофером на «Скорую». Федор принес себя в жертву сестре, та получила высшее образование, стала врачом, а он так и остался крутить баранку. Гаврилов долго служил водителем, потом стал заниматься в больнице административной работой, сейчас он заместитель главного врача по хозяйственной части. А Лялечка реаниматолог. Федор так и не женился, хотя он симпатичный парень и очень надежный человек. Думаю, он не хочет, чтобы в семье появилась женщина, которая, возможно, не будет относиться к Ляле, как к родному человеку.

– Но сама Ляля замужем, – уточнила я. – Федя только что говорил об ее опоздании на собственную свадьбу.

Алла кивнула.

– Лялечка расписалась с Андрюшей. Прекрасный человек, великолепный хирург, они познакомились на работе. Москвин пришел в клинику, а Гаврилова уже там работала. У них закрутился роман, процесс ухаживания не затянулся, Андрей вскоре сделал предложение, и Ляля его приняла. Признаюсь, я очень обрадовалась и за нее, и за Федю. Подумала: ну, теперь, когда сестра пристроена, Федор наладит свою личную жизнь.

– Вас не удивило, что он все же разрешил сестре поставить штамп в паспорте? – спросила я. – За короткое время общения с Гавриловым мне показалось, что он полностью контролирует Лялечку, морально подавил ее, та даже не пытается возражать родственнику.

Алла замахала руками.

– Абсолютно ошибочное представление! Федя вырастил Лялю, заменив ей и отца, и мать. Я не знала Гавриловых в те годы, но, думаю, девочка-подросток требовала пристального внимания и строгости. Федя сумел хорошо воспитать сестру, та не пошла по кривой дорожке. Кстати, он активно занимался стрелковым спортом, у него есть медали за победы в соревнованиях, он и Лялю заставил ходить с собой, таскал ее в тир, всегда держал под контролем. Уж не знаю, как он от воинской службы отбоярился.

– Может, опекуна сироты нельзя призвать в армию? – предположила я.

– Вероятно, – согласилась Алла. – Да и неважно, почему Федю не призвали. Он переживал за сестру больше, чем родной отец. Сам не стал учиться, деньги зарабатывал, а ее отправил в институт. Полагаю, ему приходилось отчитывать Лялю, и, естественно, та привыкла слушаться брата. На мой взгляд, никакого подчинения нет, она безгранично любит Федора, уважает его. У Лялечки не конфликтный характер, она не обидчива, с чувством юмора, бесконечные замечания брата воспринимает как свидетельство его заботливого к себе отношения. Ругает ее? Значит, очень любит. Мы дружим не один год, и я ни разу не была свидетельницей скандала Гавриловых. Они спокойно обсуждают проблемы и всегда находят компромисс. Лялечка с Федей в последнее время редко сюда приезжали, я по ним скучала, звонила им, приглашала, но они все ссылались на то, что много работы. А потом внезапно нагрянули, чем доставили мне большую радость. Ну, ладно, пойду-ка приму душ перед поездкой за продуктами, а ты, Вилочка, поторопись за телефоном.

Глава 5

Похоже, кафе «Парус» находилось на грани разорения. Сегодня в небольшом зале снова не было никого, кроме официантки, которая при виде меня

зафонтанировала словами:

– Здрассти! Это вы вчера нашли мертвую Наташку? Правда, что ей голову отрезали?

– Неправда, – сурово ответила я. – Кто такие глупости болтает?

– Так Ирка Васина с утра прибегала, – разоткровенничалась девушка. – Я ей остатки с кухни для свиньи отдаю, вот она и натрепала. Ой, такого наговорила! Зашла она, говорит, в магазин, чтобы купить Вовке шоколадку. Хотя, если подумать, это уже брехня! Ирка сыну зимой снега не даст. Вы и не представляете, какая она жадная. Хуже Васиной только Наташка была. Она свою дочь голодом морила. Уехала жить в Москву, замуж вышла за богатого. Я с ней давно не виделась, потом столкнулась случайно. Мать моя родная, Натка – как скелет! И дочка ее рядом бредет – чистый Освенцим! Вы представляете, а? Сама из экономии не жрала и девчонке не давала, жадина!

У меня от трескотни официантки закружилась голова. Решив проигнорировать поток сплетен, я села за столик и решительно произнесла:

– Кофе, пожалуйста.

В ту же секунду в забегаловку вошел мужчина в сильно помятых светлых брюках и голубой рубашке с короткими рукавами. Он быстро оглядел зал и двинулся в мою сторону. Я постаралась не измениться в лице. Нет, только не это! И все же случилось именно «это». То есть я видела перед собой своего бывшего мужа Олега Куприна. Господи, сделай так, чтобы он просто ехал мимо, решил перекусить и совершенно случайно оказался в кафешке!

Олег взялся за спинку стула и без особой радости произнес:

– Привет. Как дела?

– Замечательно. А у тебя? – отбила я подачу.

– В порядке, – хмыкнул Куприн. – Женился и счастлив.

Я улыбнулась.

– Поздравляю. И на работе, надеюсь, все хорошо?

Олег раскрыл сумку.

– Ну, сама знаешь, ничего хорошего у нас не бывает. Меня перевели в особую бригаду, занимаюсь теперь наиболее опасными преступниками.

– Всегда знала, что ты опытный профессионал, и считала, что сделаешь прекрасную карьеру, – совершенно искренне сказала я.

Олег положил на стол лист бумаги, ручку, диктофон и тяжело вздохнул.

– Для быстрого продвижения по службе мало быть замечательным специалистом, в придачу надо иметь еще некоторые качества, коих я лишен начисто. Не умею хвататься за так называемые карьерные дела, не приучен выдавать чужие заслуги за свои, не бегаю по начальству, не нашептываю ему в уши про то, какая у нас обстановка в коллективе.

– Но тем не менее тебя продвинули по служебной лестнице, – напомнила я, – значит, оценили по достоинству.

Олег скривился.

– Ну да. Спецбригадой руководил мой бывший однокашник Валера Сергиенко. Он собрал прекрасный коллектив, я был последним, кого он к себе взял. К сожалению, Сергиенко умер от инфаркта. Вместо него пришел полковник Алексей Люпин, а из того сыскарь, как из слона балерина. Мужик – редкостный дурак, но отличный подхалим. И удачно женился на дочери крупного политика, депутата. Наши Люпина сначала нормально встретили, а когда он начал руководящие указания раздавать, все сразу стало понятно. Итог: трое ушли, вместо них Алексей взял себе подобных. Хотя нет. Люпин подобрал таких, чтобы на их фоне выглядеть Наполеоном. Остальные, еще Валеркой набранные, зубы стиснули и пытаются работать. Я у Люпина как кость в горле, потому что спорю на каждом совещании. Начальничек давно от меня избавиться мечтает, да повода нет. Вчера вызвал меня Петр Михайлович Венедиктов… Помнишь его?

Я кивнула. Олег продолжил:

– Состоялся у нас с ним интересный разговор. Высокий начальник откровенно сказал: «Олег, мы с тобой вместе с самого дна поднимались, звания и репутацию заработали честно. А Люпин в мутной воде всплыл. Понимаешь, что никогда в ней не тонет? Сплю и вижу, как от Алексея избавлюсь, но он прочно тестем прикрыт. Какие-то у нашего верховного босса с папашей Алешкиной жены дела, депутат генералу нужен, поэтому Люпин себя чувствует вольготно и нацелился на мое место. Если он меня спихнет, ваша спецбригада превратится в гнездо дураков, а ты окажешься на улице. Ежели я Алешку уберу, ты станешь начальником подразделения. Выбирай: хочешь быть до конца жизни охранником в захудалом банке, открывать шлагбаум на парковке или предпочитаешь служить обществу как руководитель элитного подразделения?»

– Выгодное предложение, – усмехнулась я. – Венедиктов вербует себе сторонников. Похоже, ваш Люпин может сместить его и в нагретое кресло сесть. И что тебе надо делать, дабы Петра Михайловича прикрыть?

У Олега опустились уголки рта.

– Вечно ты в людях отрицательные черты подмечаешь… Шеф заботится не о себе, а обо мне!

– И где он был, когда ты в райотделе сидел? – взвилась я. – Венедиктов давно в начальниках. Почему раньше тебе не помогал? Он лишь тогда о друге вспомнил, когда у самого хвост задымился.

Олег потер затылок, поморщился, и я поняла, что у него болит голова. А он продолжал:

– Придя к нам, Люпин похоронил дело, которое вел Валера Сергиенко. В Москве орудовал маньяк, убивал примерно раз в три месяца. Жертвы совершенно разные по возрасту, полу, месту жительства. Между собой никак не связаны. Валера перерыл кучу информации и пришел в выводу: убитые никогда не пересекались, не имели ничего общего. Наверное, потому никто и не мог понять, что это серия. Только Сергиенко догадался. Валерка выстроил версию: убийца один, но разобраться с ним не успел, умер. Люпин же повернул все так, будто Сергиенко действовал непрофессионально, сделал неверные выводы. Короче,

никакого маньяка нет, убийства между собой не связаны. Чик-брык, все утряс, руки о брюки вытер, и готово. Понимаешь, Алексей только-только в кабинете воцарился, не хотел, чтобы его первый отчет начальству звучал так: «Я не смог завершить дело, начатое Сергиенко, хотя имел в распоряжении все его наработки. Не хватает у меня ума и опыта». Нет, он предпочел заявить: «Покойный начальник бригады подтасовщик, истолковал факты в пользу придуманной им версии, хотел с помпой закрыть карьерное дело, метил, дражайший Петр Михайлович, на вашу должность. Но я во всем разобрался: Москва может спать спокойно, никакого серийного убийцы и в помине нет». Но он есть! Венедиктов поручил мне втихую заняться маньяком. Если я докопаюсь до истины, Люпина уволят. А не смогу выйти на его след, выкинут вон и меня, и его. В общем, у нас война не на жизнь, а на смерть.

– Тебе не позавидуешь, – вздохнула я. – Однако я очень надеюсь, что непростая рабочая обстановка все же не помешает тебе найти того, кто убил Лену и Наталью. Постой-ка! Ты сказал, что занимаешься только особо опасными преступниками. Почему же тогда тебя сюда прислали? Вроде происшествие в магазинчике местными пинкертонами квалифицируется как простое ограбление?

Олег прищурился.

– Венедиктову звонил генерал, а того тоже кто-то дернул. Мне приказали, вот я и работаю. Петр Михайлович правда сразу предупредил: «Тело обнаружила твоя бывшая ненаглядная. Неймется ей, вечно в истории влипает. Не баба, а телеканал, сплошные известия про преступления».

Я отодвинула пустую чашку из-под кофе на край стола.

– Думаешь, ты можешь обмануть женщину, которая жила с тобой, майором, не один год?

– Я получил звание подполковника, – обиделся мой экс-супруг.

– Прекрасно, поздравляю. Но человек не меняется из-за количества звезд на погонах, – сказала я. – Если ты не мог ударить собаку ногой в дырявых ботинках, то не сможешь пнуть пса, натянув сапоги из крокодила. Материальное положение, карьера, семейные обстоятельства – многое может измениться, но

сущность человека очень редко меняется. И уж совсем невозможно справиться с тиком, подергиванием, нервной почесухой, привычкой грызть ногти. Олег, когда ты врешь, непременно прищуриваешь правый глаз. И еще вопрос. К чему ты рассказал о маньяке, а?

– Ну… ты спросила, я поделился проблемой, – забубнил Олег. – Увидел тебя, и сработала старая привычка сообщать жене о своих делах. Я никогда не имел от тебя тайн, плевать хотел на инструкции, запрещающие говорить с супругой о работе. Ты всегда была в курсе моих идей, мыслей.

– Не всегда, – отрезала я, – кое-какие планы ты осуществил без совета со мной, и мы разошлись. Так почему ты примчался на простое ограбление? Ага! Снова правый глаз прищурил. Ты собрался сообщить мне новую фантазию? Ладно, не стану задавать неуместные вопросы. Попрошу Костю звякнуть генералу и разузнать правду.

– Не вздумай! – испугался Олег. – Генерал вообще не в курсе. Он позвонил Петру и сказал: «Надо направить в захолустье толкового человека. Местные менты не справятся, опыта работы у них пшик, процент раскрываемости плачет горючими слезами. Имей в виду, Константин Фокин тот еще фрукт, у него денег куча, связей миллион. Не выполним его просьбу, получим с самого верха пендель. Давай, Петр Михайлович, постарайся, брось в Брендино лучшие кадры, там вчера какую-то бабу шлепнули, вроде подругу Фокина. Да, вот тебе последняя радость. Газету «Лупа» видел? Она принадлежит Константину Константиновичу. Опозоришься, станешь главным героем их публикаций».

Я постаралась сохранить невозмутимое выражение лица. «Лупа»? Костя владелец этого пакостного листка? Быть того не может!

– Когда Петр узнал подробности происшествия, – как ни в чем не бывало повествовал бывший супруг, – он понял, что это подарок. Маньяк опять вышел на охоту!

– Рада, что смерть двух женщин является для кого-то подарком, – съязвила я. – Значит, Наташу и Лену убил серийный преступник? Почему вы так решили?

Олег вытащил из сумки блистер, выщелкнул из него таблетку, проглотил ее и поморщился.

– Ладно. Слушай.

Я откинулась на спинку стула и незаметно включила крохотный диктофончик, лежавший в кармане моего сарафана.

Преступник, за которым охотился покойный Валерий Сергиенко, убивал своих жертв одним метким выстрелом в лоб. Оружие всякий раз было разным, но маньяк его у тела не бросал, как обычно делают профессиональные киллеры. Во всем остальном он действовал так, словно прошел подготовку в особых структурах, где учат заметать следы. До вчерашнего дня маньяк лишил жизни четырех человек. Веру Робертовну Мазаеву двадцати девяти лет, учительницу младших классов, Леонида Ильича Волкова, пенсионера, ранее работавшего водителем трамвая, Николая Андреевича Иншакова, учащегося девятого класса, и Алену Михайловну Ваткину, тридцатидвухлетнюю домохозяйку.

Мазаева была симпатичной блондинкой с длинными волосами, голубыми глазами и прекрасной фигурой, занималась спортом, пользовалась успехом у сильного пола, обожала путешествия и часто летала за счет любовников в экзотические страны. Ваткина весила под восемьдесят килограммов, коротко стригла темно-каштановые волосы, чуралась общения с посторонними, жила вместе с мужем и свекровью и никогда не бывала за границей. Волков страдал запоями, а после выхода на пенсию неожиданно решил вести праведный образ жизни. Леонид Ильич посещал клуб «Здоровье», ездил по всей Москве, разыскивая в магазинах биологически чистые продукты. Более того, он переселился в Подмосковье, завел огород, курочек, корову и развелся с женой, которая не хотела хоронить себя в глуши. Коля Иншаков был гордостью родителей – талантливый математик, отличник, победитель многих олимпиад. Подросток знал, что его с нетерпением ждут в самых престижных вузах столицы. Мальчик рос в прекрасной семье, где мать и отец искренне любили друг друга и сына.

Теперь понимаете, почему сотрудники полиции, занимавшиеся этими убийствами, не заметили между ними сходства? Как правило, серийного преступника привлекает определенный тип жертвы. А в данном случае у погибших было разным все: возраст, пол, внешность, привычки, социальная среда и материальное положение. Их только убили одинаково – выстрелом в лоб, чуть повыше бровей. Почему же Валерий заподозрил, что в городе орудует маньяк? Сергиенко поручили искать того, кто убил мальчика, – эксперт, осматривавший труп, сообщил, что в кармане рубашки подростка обнаружен

клочок бумаги с нарисованным квадратом.

Глава 6

Сначала находка не удивила Сергиенко. Коля собирался стать математиком, вероятно, он сам начертил простую геометрическую фигуру и сунул бумажку в карман. Может, Иншаков решал какую-то задачу? Но после детального изучения обрывка стало понятно: это ценник из магазина, где погиб паренек. Ручка, которой изобразили квадрат, была самой обычной шариковой, какие миллионами продаются в России и за границей (специалистам не составило труда определить и страну изготовления, и марку). Другой полицейский мог махнуть рукой на улику, посчитать ее пустяком, но Валерий призадумался.

Он знал, что при убитом нашли рюкзак с книгами и три ручки, причем заправленные чернилами. Сергиенко опросил родителей Иншакова, и те сообщили, что сын никогда не писал ни гелевыми, ни шариковыми, ни какими-то другими ручками. Коля предпочитал делать заметки не особо популярными ныне перьевыми.

– Он говорил, что от чернил по-особому пахнет, – плакала его мать, – и это помогает ему сосредоточиться. Николаша и не прикоснулся бы к шариковой ручке. Да и где ему ее взять?

На этот вопрос у Валерия был ответ.

В Николая выстрелили в магазинчике на окраине Москвы. Каждый понедельник, среду и пятницу Иншаков ездил через весь город к своему репетитору, профессору Габриляну, очень педантичному человеку. Всякий раз, выходя от преподавателя, мальчик заглядывал в местный мини-маркет, где в поздний час практически не было покупателей, покупал два шоколадных батончика и съедал их по дороге домой. Родители тщательно следили за здоровьем сына, не позволяли ему лакомиться дешевыми вредными, по их мнению, сладостями, и Коля, в отличие от большинства подростков, не закатывал им скандалов. Он покупал конфеты и ел их тайком.

Продавщица хорошо запомнила вежливого подростка, который три раза в неделю навещал ее точку. Грошовые шоколадки в маркете были всегда. Коля входил, громко говорил: «Здравствуйте», затем шел в глубь стоек и спустя короткое время возникал у кассы. Вот только в день его смерти заведенный порядок был нарушен. В роковой вечер Коля поспешил к своим любимым сладостям, потом подошел к продавщице и заявил:

– А батончиков нет!

– Не может быть, – возразила женщина, – на полке была целая коробка. Пойдем покажу.

Через пару секунд, увидев пустое место вместо картонной упаковки с товаром, кассирша возмутилась:

– Украли! Давно говорила хозяину, что надо повесить камеру, а он жадничает. Мальчик, не уходи, я на склад сбегаю.

– Конечно, – кивнул Коля. – Не беспокойтесь, я не тороплюсь и за магазином в ваше отсутствие присмотрю.

Продавщица отсутствовала минут десять, а когда вернулась, Николая у кассы не было. Она подумала, что парню надоело ждать, и села на табуретку читать книгу. Следующий покупатель зарулил в магазин где-то через час. Он сразу направился в отдел, где стояли бутылки с пивом, и вдруг закричал. На полу, между стеллажами, он обнаружил труп Коли.

Бумага с нарисованным квадратом оказалась ценником на пиво. А квадрат был начертан ручкой, взятой из держателя, торчавшего по соседству. Было непонятно, как Иншаков оказался у стеллажей с бутылками, ведь парнишка никогда не прикасался к спиртному и пива не употреблял.

– Николаша не мог взять ценник и использовать его в качестве бумаги для записей, – категорично заявил старший Иншаков. – Во-первых, он не так воспитан, а во-вторых, у сына при себе был рюкзак с блокнотом и тетрадями.

Если верить родителям, то выходило, что квадрат изобразил убийца, и Сергиенко сделал стойку.

Происшествие с Николаем не походило на случайное ограбление. Кошелек, часы, крестик на золотой цепочке, мобильный телефон – все осталось при мальчике. И навряд ли наркоман-алкоголик, желавший во что бы то ни стало раздобыть денег на дозу или выпивку, смог бы точно выстрелить жертве в лоб – у этих людей, как правило, трясутся руки.

На следующий день после убийства Валерию позвонила продавщица.

– Не знаю, может, я вас зря беспокою, – промямлила она, – но батончики нашлись.

– Какие? – не понял Сергиенко.

– Ну, те, что с полки пропали, – объяснила тетка. – Сегодня уборщица зал мыла и обнаружила упаковку, которая вчера исчезла. Ее кто-то запихнул под стеллаж с бытовой химией. Это вообще в другом конце магазина. Вам мое сообщение поможет найти мерзавца, застрелившего паренька?

Валерий поблагодарил женщину и понял: Николая лишили жизни намеренно. То, что на Иншакова напал не маргинал, Сергиенко уже знал. Во-первых, при убитом остались ценности, а во-вторых, отморозок не стал бы оставлять послание, а просто убежал бы. Значит, Коля не случайная жертва, преступление тщательно спланировано. Некто следил за Иншаковым, знал, что он три раза в неделю заглядывает вечером в мини-маркет и покупает эти батончики. И еще. Николаша заходил в лавку всегда в одно и то же время после занятий. Выходит, незадолго до появления подростка преступник спрятал коробку с конфетами под стеллаж с бытовой химией. Зачем он так поступил? Негодяй не сомневался: Николай, человек привычки, непременно попросит принести из подсобки новую упаковку, и продавщице придется на несколько минут покинуть торговый зал. А посетителей в мини-маркете в столь поздний час нет, потенциальные покупатели давно сидят дома у телевизора.

Сергиенко вызвал продавщицу на допрос, и та подтвердила:

– После девяти вечера у меня пустыня. Редко кто зайдет. Алкаши не заглядывают, ведь крепким спиртным я не торгую, в ассортименте одно пиво, оно им утром требуется. Через дорогу ближе к метро стоит другой маркет, вот там водку в обход закона в любое время суток продадут. Поэтому у них выручка больше и народу полно. Ко мне заходят за хлебом, молоком, крупой, стиральным порошком, в основном женщины, когда с работы несутся, я их почти всех в лицо знаю. Коля же приходил в двадцать два пятнадцать, по нему можно было время проверять.

– Если вы помните постоянных покупателей и утверждаете, что в районе девяти уже почти никого в торговом зале нет, то, наверное, заметили незнакомого человека. Он должен был появиться незадолго до Коли.

Торговка призадумалась.

– Заглядывала девочка-подросток. Я еще подумала: наверное, ей лет пятнадцать, а лицо как у куклы размалевала. Небось в гости собралась, мать ей велела одеться соответственно возрасту, и дочурка послушалась, а косметикой в подъезде разукрасилась. Тортик она хотела купить, а кондитерка в холодильном прилавке у кассы. Девчонка долго выбирала, спрашивала, что вкуснее, я ее проконсультировала. Потом она деньги отсчитывала, прямо как замороженная, все мусолила купюры, еле шевелилась. Но она по залу не бродила. Я видела, как девица от двери к прилавку шла и тем же путем удалилась. Не могла она батончики спрятать, все время на моих глазах находилась. А больше никого не было.

Несмотря на полное отсутствие зацепок, Сергиенко решил не сдаваться. Валерий разослал коллегам запросы, просил сообщить, не сталкивался ли кто с преступлением, жертва которого была убита одним выстрелом в голову и имела при себе бумажку с нарисованным квадратом. Вскоре пришел ответ от следователя Игоря Гречанинова. У него повисло дело о смерти Веры Робертовны Мазаевой. Учительница скончалась от ранения в голову, ее застрелили, когда она возвращалась домой после фитнеса. В кармане несчастной обнаружили клочок бумаги, оторванный от наклеенного на углу дома рекламного плаката, но только на нем нарисована была карандашом прямая линия.

Следующим пришло сообщение о гибели пенсионера Леонида Ильича Волкова. Пуля в голове, в кармане брюк бумажка с треугольником.

И тут Сергиенко решил, что это не геометрические фигуры, а счет. Прямая линия – единица, квадрат – четыре, треугольник – три. Убийца таким образом нумерует жертв. Где-то есть тот, кого лишили жизни вторым.

Спустя неделю ему поступило известие об Алене Ваткиной. Домохозяйка погибла, когда вытряхивала в бачок мусор. Карманов в домашней одежде женщины не было, бумажку преступник положил в одну из ее туфель. Клочок был оторван от обертки печенья. Наверное, на помойке же киллер нашел и фломастер, которым провел две параллельные линии.

Но когда Валерий получил все дела и сравнил их, он понял: геометрические фигуры не номера, они не совпадают с очередностью преступлений. Вопрос, зачем преступник их чертил, вновь повис в воздухе.

Сергиенко объединил эти четыре дела в одно, но вскоре умер. После его кончины обязанности начальника временно исполнял Куприн. Олег начал действовать, но выяснил немного, потому что в отделе появился новый руководитель, который живо отправил дело в архив, заявив:

– Не знаю, что тут Сергиенко увидел. Его предположение, будто киллер нумерует жертв, ошибочно. Бумага разная, накорябано не одно и то же, убитые ни в чем не схожи. Видно, Валере заниматься было нечем, вот и искал чего нет.

Куприн замолчал.

– Нечто общее у погибших все же имелось, – тихо сказала я.

– Что, по-твоему? – сразу заинтересовался Олег.

– Они все, вероятно, отличались пунктуальностью, – пояснила я. – Мальчик в одно и то же время заходил в магазин, учительница шла с фитнеса, полагаю, тоже в определенный час. Домохозяйка Алена, несмотря на примету, запрещающую выносить мусор вечером, потопала к бачкам на ночь глядя. Ты не спрашивал ее мужа, не было ли у нее привычки ходить на помойку по твердо установленному графику?

– Нет, – признался Олег.

– А Волков? – не успокаивалась я. – Тот где погиб?

– У себя на огороде, – протянул Куприн. – Листок нашли в кармане брюк. Для «записки» использовали старую фотографию, взятую у него в избе. Пустая рамка осталась, отпечатков на ней не обнаружили.

– Не похоже, что преступник стрелял в случайных людей, – пробормотала я. – Леонид Ильич переселился в Подмосковье. Зачем убийце ехать так далеко? В столице полно людей. Нет, ему требовались именно Мазаева, Иншаков, Ваткина и Волков. Ты обратил внимание? Киллер не приносит с собой бумажку с заранее нарисованной фигурой, использует то, что можно обнаружить на месте убийства: ценник, плакат, обертку от печенья, снимок. Он знал, что на доме, возле которого застрелит учительницу, висит реклама, значит, готовился, заранее посещал место, изучал его. Он – профессионал.

– И уносит с собой оружие? – фыркнул Олег.

– Зато использует всегда новое. А старое бросает в реку, топит в коллекторе, разбирает на части и раскидывает. Короче, не хочет оставлять экспертам никаких зацепок, – предположила я.

– А треугольник, квадрат и прочее? Профи таким не занимаются, – справедливо отметил Куприн. – И наемник редко подписывается на серию. Обычно он прибывает в Москву по вызову, организует убийство и сматывает удочки. Нет, у нас серийщик. Эксперт считает, что стрелял один человек из разных, не новых, но нигде не засветившихся пистолетов. Жертвы подпускали его достаточно близко. Вот тебе еще один вопрос: почему никто не пытался бежать? Ладно, Коля и Леонид Ильич мужчины. Но женщины? По следам получается, что Вера Мазаева спокойно шла, потом остановилась. Переулок темный, поздний вечер, отчего учительница не побежала, увидев рядом какого-то человека? Она занималась спортом, могла хоть попытаться скрыться. И Алена Ваткина стояла у бака, как будто спокойно ждала выстрела. Почему они позволили киллеру вторгнуться в их личное пространство?

– Может, мерзавец был в форме полицейского, спасателя, пожарного? – выдвинула я новое предположение. – Представители каких профессий могут не вызывать подозрений?

Куприн начал вертеть в руках вазочку с бумажными салфетками.

– Вилка, если тебя почти ночью в глухом проулке окликнет полицейский, ты как поступишь?

– Живо возьму ноги в руки и дам деру, – призналась я. – Уж извини, не хочу обидеть тебя, честного представителя закона, но некоторые твои коллеги способны на разные подвиги. И форму можно купить через Интернет.

– А Ваткина и Мазаева стояли, – протянул Олег. – Вчерашняя жертва, Наталья Миронова, тоже не занервничала.

– Погоди! – воскликнула я. – Ты считаешь, что…

– Тот же выстрел в лоб, в вырез платья засунут чек, на оборотной стороне которого изображен пятиугольник, – перебил меня Олег. – Это он. Но последнее преступление все же отличается от предыдущих. Жертв двое.

– Ленка! – ахнула я. – Она случайно оказалась там. Киллер ошибся, в лавочке появился свидетель. Господи, в смерти Макеевой я виновата! Не нужно было отпускать ее в проклятую лавку.

– Не уверен, – вздохнул Куприн. – У нее тоже нашли за пазухой чек с нацарапанным пятиугольником.

Я уронила на пол чайную ложку.

– Врешь!

– Не претендую на звание самого честного мента, – безо всякой обиды произнес бывший муж, – но я сказал чистую правду.

– Этого просто не может быть! – категорично заявила я. – Лена приехала в Брендино спонтанно, потому что хотела посоветоваться со мной. Она никогда ранее не бывала здесь.

– Ты уверена? – спросил Олег.

– В чем? – занервничала я.

– В том, что подруга позвонила спонтанно?

– Да, – сказала я. – У Лены возникли сложности в семье, Юра побил жену. Я собиралась отвезти ее к Алле, на дачу Фокиных, где сама сейчас отдыхаю. Хотела накапать Лене валерьянки, а сама смотаться в город и спокойно объяснить Макееву: его жена, конечно, бывает занудой, но это не повод распускать руки. Если не желаешь жить в браке, разводись. Я решила пригрозить ему приводом в полицию. Но о своих намерениях я ничего ей не сказала. Лена обрадовалась предложению поехать на дачу и решила купить в подарок хозяйке конфет. Понимаешь? Мысль пойти в торговую точку возникла у нее внезапно.

Глава 7

– Уверена? – переспросил Олег.

Я стукнула кулаком по столу.

– Конечно!

– Не о том вопрос. Уверена, что Елена ранее не посещала Брендино? – уточнил Куприн.

– Что ей тут делать? – фыркнула я.

– Даешь стопроцентную гарантию? – наседал он. – Знаешь про каждый шаг знакомой?

Мне пришлось признать поражение:

– Нет.

– Вот видишь, – потер руки экс-супруг. – Вполне вероятно, что история про мужнины колотушки была рассказана не случайно.

Я ринулась в бой.

– Я видела синяки на теле Ленки. И она была напугана.

Куприн в мгновение ока задал следующий вопрос:

– Кем?

Я начала злиться.

– Юрой.

– Хорошо знаешь его? – наседал Олег. – Он агрессивен? Хитер? Не контролирует себя? Или, наоборот, вежливый тихоня, способный пнуть исподтишка?

– Я больше общалась с Леной, – забубнила я. – Мы в основном встречались в кафе, без Юрия. Макеева я видела всего пару раз. Но он не убийца, нет! Синяков Ленке наставил от того, что она…

– А если это не он? – перебил меня Куприн. – Знавал я дамочку, которая сама лупила себя зонтиком, потом демонстрировала любовнику «увечья» и жаловалась на супруга-монстра. В конце концов милый друг пришил законного муженька.

– Лена не чудовище! – окончательно вышла я из себя.

Олег накрыл мою руку ладонью.

– Вилка, знаю, как ты относишься к своим друзьям, но давай смотреть правде в глаза. У Макеевой на теле нашли знак киллера. Значит, она не случайный посетитель лавки. Маньяк дотошен, он не стал бы рисковать и убивать простую свидетельницу, он все просчитывает.

– Убиты две женщины, – сказала я, – так киллер раньше не делал.

– Верно. Но одинаковые чеки и идентичная картинка сообщают: в понимании преступника Елена и Наталья являются одной жертвой. Пятой. Кстати, судя по пятиугольнику, он все-таки весьма своеобразно считает убитых им людей, хоть это и не порядковые номера. И Лена была задушена, а не застрелена.

– Почему? – прошептала я.

– Интересный вопрос, – протянул Куприн. – Ответа на него нет. Серийные маньяки почти никогда не изменяют своим привычкам. Некоторые нюансы бывают, когда человек еще неопытен, учится убивать, так сказать, шлифует мастерство. Но на пятом трупе он уже уверен в себе. Короче, в этом деле пока одни загадки. Ясно лишь одно: негодяй не остановился, продолжает отстрел людей. И он теперь уничтожает по два человека. Что общего могло быть у Натальи и Елены?

– Понятия не имею, – растерянно ответила я. – Сомневаюсь, что они вообще раньше встречались.

– Нам бы понять, по какому принципу убийца подбирает жертв, – пробормотал Олег.

– Между прочим, почему ты считаешь убийцу мужчиной? – спросила я. – Вполне вероятно, что это женщина. Тогда отчасти можно объяснить, по какой причине убитые спокойно позволяли ей приблизиться к себе. От хрупкой, приятной на вид особы плохого не ждут. Если тебя в темном переулке окликнет парень в черной толстовке с капюшоном, который скрывает его лицо, ты мигом заподозришь неладное и удерешь. Но тоненькая женщина в коротком платье не вызовет паники.

– Тараканова, серийные маньяки в подавляющем большинстве мужчины, – снисходительно пояснил подполковник, – таковы данные статистики.

– Есть выражение: «Врет, как статистика», – заспорила я. – А Салтычиха? Она кто?

– Когда это было, – отмахнулся Олег.

– Джейн Топпан, медсестра, призналась в убийстве более чем тридцати своих пациентов, – не успокаивалась я.

– Ага, – протянул Куприн, – знаю, какую книгу ты прочитала. Ее издал американский психолог, сотрудник ФБР, занимающийся анализом поведения преступников. Штатники называют таких спецов профайлерами, у нас их нет, или я с ними не встречался. Книжка интересная, я ее тоже изучил и помню, что упомянутая тобой дамочка работала медсестрой и лишила жизни тех, чье физическое состояние было очень тяжелым, не оставалось никакой надежды на выздоровление. Она совершала, по ее мнению, милосердный акт.

– Но она их убила! – воскликнула я.

– Давай не будем уходить в сторону, – начал злиться Олег. – Лучше скажи, о чем вы говорили с Еленой и что ты видела?

Я старательно пересказала нашу беседу. Бывший муж молча выслушал меня и уточнил:

– Незадолго до того, как Макеева пошла в лавчонку, ей пришла эсэмэска?

– Ну да, – подтвердила я. – Телефон Лена положила на стол, во время нашего разговора он молчал, а под самый конец издал характерный звук.

– Отлично! – неожиданно обрадовался Олег. – Дальше.

– Все, – пожала я плечами. – Лена побежала в павильончик за конфетами.

– От кого пришло сообщение? – спросил Куприн.

– Макеева сказала, от матери больного ребенка. Она ждала врача, – ответила я.

– Значит, на телефон прилетела весточка, и твоя подружка заспешила в магазин, – подвел итог экс-супруг.

– Хочешь сказать, что Лена договорилась с кем-то о встрече? Получила эсэмэску, подтверждающую, что ее ждут в магазине, и рванула туда? Полная чушь! – рассердилась я. – Макеева нервничала из-за скандала с Юркой, не зная, как ей себя вести.

– И поперлась за конфетами? – Олег хмыкнул. – Где логика?

– Чем ты меня слушал? – возмутилась я. – Лена не хотела приходить в чужой дом с пустыми руками, а…

– Я помню твой рассказ, – оборвал меня Олег. – Но что она могла найти в лавке? Соевые батончики? Покрытое серым налетом ассорти с истекшим сроком хранения? И с тем, и с другим стыдно идти в гости.

– Она не хотела приезжать в незнакомый дом без презента, – упорно повторила я, – качество товара ее не беспокоило, она собиралась просто соблюсти приличия.

Олег показал на большое окно, сквозь которое просматривалась привокзальная площадь.

– У автобусной остановки сидят бабки, одна с цветами, другая с ягодами в кузовке. Полагаю, они там каждый день маячат.

Я пожала плечами.

– Старухи пытаются заработать, торгуют тем, что вырастили.

Куприн оперся локтями о стол.

– Зачем покупать дрянь, платить большие деньги за конфеты, которые никому не понравятся? Лучше подарить букет или лукошко с крыжовником. Но Макеева рвется в магазин. Полагаю, конфеты лишь повод, чтобы туда заглянуть. Кстати, почему она пошла, а ты осталась?

Я растерялась.

– Не знаю. Лена вскочила и сказала: «Вилка, подожди меня в кафе, вернусь минут через десять». На улице стояла жара, солнце висело прямо над площадью, мне было лень идти по раскаленной… Погоди!

Я уставилась на Олега.

– Магазин обращен дверью к лесу, и это очень глупо, потому что она расположена напротив здоровенного забора. Смотри, он тянется, насколько видит глаз. Чтобы сделать покупки, люди подходят к лавке с задней стороны, огибают дом. Вчера я заметила, как из-за угла вынырнул парень, весь в черном: брюки, толстовка с капюшоном и копеечная сумка с логотипом аптеки. На улице жара, а он оделся, как осенью, вот я и подумала: явно алкоголик или наркоман. А потом укрепилась в своих предположениях, потому что его стошнило прямо на площади. Через пару минут после того, как маргинал исчез, появилась тетка с сумкой на колесах, которая потопала в магазин. А потом я пошла туда же искать Лену.

В кармане Олега зазвонил телефон, Куприн вытащил трубку. Разговор состоялся очень содержательный.

– Да. Да? Да!!! Да??? Спасибо.

– Важные новости? – спросила я.

– Нет, просто новости, – буркнул он.

Олег явно сказал неправду. Кто-то сообщил ему нечто интересное. Куприн же быстро вернул нашу беседу к прежней теме.

– Значит, опознать парня ты не сумеешь?

– Извини, нет, я видела лишь одежду, а она неприметная, – расстроилась я.

– Почему тогда ты решила, что незнакомец молод? – не успокаивался Олег.

– Пожилые люди так не одеваются. И них другая походка – шаг мелкий, часто сгорбленная спина, нет уверенности и быстроты в движениях.

Куприн пригладил рукой волосы.

– Меня нельзя считать юнцом, но я бегаю быстро, ноги прекрасно работают, и спина не крючится.

Я возразила:

– Ты служишь в полиции и обязан поддерживать хорошую физическую форму, поэтому занимаешься в тренажерном зале, сдаешь всякие нормативы. Но в основном мужчины твоего возраста…

– А большинство женщин обожают настаивать на своем, глупом, мнении, – неожиданно нахамил Олег. – Видят на один сантиметр, а считают, что охватили проницательным взором гектар. Возможно, тот кадр военный, спортсмен, циркач или просто любитель фитнеса, ему за сорок, но издали он кажется студентом. Вилка, я понимаю, почему ты столь ажитированна, но категорически приказываю не лезть в это дело.

– Погибла моя подруга, – заметила я. – Но я вовсе не собиралась…

– Ой, пожалуйста! – поморщился Куприн. – Ты тут распиналась, что изучила меня за годы совместной жизни, делала далеко идущие выводы по поводу моих прищуренных глаз. Да только я тебя тоже раскусил. Почуяла сюжет для нового детективного романа? Как всегда, находишься в затяжном творческом кризисе и унюхала горяченькое?

Меня затопила обида. Да, у меня отсутствует буйная фантазия, я не способна придумать заковыристые повороты, но в описании в реальности происходивших событий мне нет равных. И я часто попадаю в разные истории, приманиваю приключения, из которых вырастают книги. Но сейчас, думая о смерти Ленки, я и не помышляла ни о каких рукописях.

– Чего личико вытянулось? – хмыкнул Олег. – Я же вижу, кое-кто уже впал в восторг от известия о маньяке. Я прав?

– Замолчи, пожалуйста, – тихо произнесла я. – Не собиралась делать из гибели Лены бестселлер. Просто хочу, чтобы убийцу поймали. Ты не прав! И

ошибаешься не только в отношении меня. Макеева очутилась в Брендине случайно.

– Тараканова, – простонал Куприн, – уймись!

Я встала и пошла к двери.

На самом деле я прекрасно знаю Олега. Мне трудно простить бывшего супруга за предательство[3 - Вилка сейчас вспоминает события, описанные в книге Дарьи Донцовой «Зимнее лето весны», издательство «Эксмо».], но он опытный честный профессионал. Да, по отношению ко мне муж поступил подло, но как полицейский Куприн безупречен – никогда не берет взяток, старателен, способен выдвинуть оригинальную версию. Маленький отрицательный штришок: Олег считает женщин идиотками. Поэтому с трудом ладит даже с коллегами – экспертами, оперативниками, следователями или прокурорами, – если те принадлежат к слабому полу. Кроме того, Куприн всегда защищает свою версию до конца и считает себя правым, в том числе и тогда, когда и ежу уже ясно, что он ошибся в умозаключениях. У моего экс-мужа, если можно так выразиться, комплекс сверхполноценности. Все, кто когда-либо имел с ним дело, твердят о его редкостной упертости. С одной стороны, это качество весьма похвально, потому что заставляет его бежать по следу, когда остальные сдались. Можно привести достаточно примеров, когда Олег с упорством танка пер к цели и добивался успеха наперекор общему мнению. Но, с другой, я могу привести не меньше примеров, когда Олег с тем же упрямством пер, как он считал, в правильном направлении и терпел сокрушительную неудачу. Куприн очень редко признает: «Ребята, я не прав. Забудем мои предположения, начинаем разрабатывать вашу версию».

Ладно, я не стану вмешиваться в расследование бывшего супруга. Просто порасспрашиваю кое-кого, в частности, Юру Макеева, а потом еще раз объясню Олегу: Ленка приехала в Брендино случайно! Убийца никак не мог знать, куда она собралась. А сейчас мне пора на дачу – мама Кости хотела поехать за покупками.

Глава 8

– Лучше припарковаться на подземной стоянке, – посоветовала Алла, когда мы подъехали к большому торговому центру. – На улице машина раскалится от солнца, положим туда пакет с яйцами, и из них сразу выведутся цыплята.

Я послушно порулила к открытому въезду. Не стоит спорить по пустякам, мне все равно, где оставить автомобиль.

– Начнем с геркулеса, – предложила Алла, едва мы очутились в огромном зале. – Вон он, в том ряду!

Фокина поправила прическу и рванула вперед со скоростью торпеды. Я, толкая громыхающую тележку, поспешила за ней.

– Так… – Аллочка схватила одну пачку. – Ой, фу! Никогда!

– Чем плох продукт? – заинтересовалась я. – Большая упаковка, стоит недорого, написано «Экстра, лучший геркулес».

Моя спутница сдвинула брови.

– Самая полезная информация печатается крохотными буковками. Ну-ка читай!

Я прищурилась.

– Не вижу.

– То-то и оно! – с торжеством произнесла Алла. – Если производитель сделал микроскопическую надпись, он явно пытается что-то скрыть. Надо быть востроглазым орлом, чтобы рассмотреть буковки. Но я полностью вооружена. Опля!

Из недр сумочки Фокиной появилась большая лупа, дама сунула мне ее и велела:

– Нажми сбоку на кнопочку, там встроен фонарик. Теперь хорошо видно?

– Отлично! – воскликнула я. – Значит, так. Геркулес отборный, калорийность, белки, углеводы, жиры, рекомендован для детского и диетического питания. Производитель: цех по переработке отходов фабрики имени Пржевальского при конезаводе номер сто сорок семь дробь девяносто восемь.

– Вот она, сермяжная правда! – подняла указательный палец Аллочка. – Напихали в коробку то, что лошади не дожевали. Берем другую упаковку.

– Эта хорошая, – обрадовалась я, взяв в руки голубую коробку, – на ней только крупные надписи.

– Огласи! – приказала Фокина.

Я откашлялась.

– Овсяные хлопья, приготовленные по рецепту бабушки Роджерс. Настоящее американское качество, произведено из сторожки. Нью-Йорк.

– Может, в сторожке? – удивилась мать Кости.

– Нет, – хихикнула я, – написан предлог «из». Кто такая сторожка? Где она растет?

– Не стоит задаваться пустыми вопросами, – отрубила спутница. – Если сию кашу сварганили в сторожке, которая построена в Нью-Йорке, или из сторожки, которая выросла в Нью-Йорке, брать ее не стоит. Что у них там, в мегаполисе, хорошего растет? Сплошной канцероген. Топаем вперед. Вон там, мятая, совершенно убогая пачка. В ней точно первоклассный товар.

– Всегда считала, что непривлекательная тара свидетельствует об отвратительном качестве продукта, – удивилась я.

Алла снова подняла указательный палец.

– Внимание! Что губит человека? Всякие «Е», красители, консерванты, улучшители вкуса, ароматизаторы. Добавки вещь дорогая, по карману лишь мощным производителям, мелкие заводики не имеют возможности внедрить в

свое производство ничего химического, у них на это элементарно нет денег. Следовательно, в страшном пакете самое полезное. Читай.

За время, проведенное в доме Фокиных, я успела хорошо понять, что у Аллы есть пунктик – здоровый образ жизни. Именно поэтому на даче нет ни СВЧ-печки, ни посудомоечной машины. Первая испускает вредоносное излучение, а во вторую надо засыпать слишком много бытовой химии. Алла никогда не разрешит внести в дом мебель из ДСП или синтетический палас. Фокина пользуется лишь натуральными материалами, и я не удивлюсь, если узнаю, что перед покупкой подушек она съездила на ферму, где выращивают гусей, и лично ощупала всех птиц, дабы убедиться в их прекрасном здоровье.

Воду для бытовых нужд Фокины берут из специально пробитой скважины и пропускают ее через фильтр. Вода для питья – особый разговор, ее привозят в канистрах. Радиотелефона на даче нет, есть старинный аппарат с трубкой на витом шнуре. Ясное дело, Алла не пользуется ни сотовой связью, ни компьютером. Правда, она не делает замечаний ни гостям, ни сыну, у которых при себе мобильники, ноутбуки, айпады и прочие блага цивилизации. Мать никогда не пилит Костю, в кабинете которого полно разнообразной техники, но вот шампунь в его ванной она упорно меняет на сваренное кустарем мыло.

И в отношении еды-питья Алла непреклонна. Завтрак, обед и ужин готовятся исключительно из продуктов, которые хозяйка сама внесла в дом. Раз в три дня в Брендино прикатывает пикап с хорошо известной ей фермы и привозит овощи, молочные продукты, мясо. Остальное Аллочка вынуждена приобретать в магазинах, что приносит ей сплошные мучения, вот как сейчас с геркулесом.

– Вилочка, почему ты молчишь? – окликнула меня спутница.

Я вздрогнула и схватила коричневатую помятую упаковку.

– Геркулес уникальный. Получен из экологически чистого гороха, выращенного на полях фермерского предприятия. Деревня Ледяная. Баренцево море.

– Потрясающая каша! – обрадовалась Алла.

Я с сомнением повертела в руках страшненькую пачку.

– Маленькая деталь. Разве геркулес делают из гороха? И сомнительно, что бобовые могут произрастать на берегу холодного моря.

– Что ты, – воскликнула Алла, – там тепло! С одной стороны Крым, с другой Турция.

– Думаю, вы ошибаетесь, – осторожно сказала я. – Баренцево море относится к Северному Ледовитому океану. Что-то с этим геркулесом не то. И, повторяю, его производят не из гороха.

– Ладно, поставь гадость на место, – велела Алла. – Хлопья не производят из чего-то, они сами по себе растут, как пшеница или манка. Кругом обман!

– Манка – пшеничная мука грубого помола, а геркулес – это овес, – некстати продемонстрировала я эрудицию.

– Не может быть, – решительно возразила Аллочка, – ты путаешь.

– Почему тогда почти на всех пачках написано: «Овсяные хлопья»? – спросила я.

Алла решительно завернула в проход между стеллажами с разнообразными сладостями и тут же нашла ответ:

– Да потому, что люди так геркулес обзывают. Видишь печенье? И как оно называется? Хворост. По твоей логике, оно из сучьев?

– Просто напоминает валежник по виду, – из чистой глупости ляпнула я.

– А геркулес смахивает на хлопья из овса, – уперлась Алла. – Ну и какой смысл в нашем споре?

– Ни малейшего, – согласилась я. – Раз уж попали в кондитерский отдел, посмотрим конфеты?

– Кон-фе-ты?! – по слогам повторила Алла. – Вилочка, они же все напичканы ГМО и пальмовым маслом!

– Можно прямо сейчас шоколадку съем? – закричал рядом детский голосок.

Молодая женщина, стоявшая неподалеку от нас и рассматривавшая коробки с зефиром, устало ответила:

– Нет, Катюша, сначала надо товар оплатить.

– Хочу сейчас! – заканючила капризница.

– Нельзя, – измученным голосом сказала мамаша, – потерпи.

Девчушка оттопырила нижнюю губу, повалилась на пол, засучила ногами и завизжала.

– Дай, дай, дай!

– Прекрати! – занервничала мать. – Перед людьми стыдно!

Дочь на секунду притихла, окинула нас с Аллой хитрым взглядом, сообразила, что присутствие публики ей на руку, и добавила децибелов:

– Хочу! Сейчас! Шоколадкуууу!

Несчастная мамаша покрылась красными пятнами, схватила с полки батончик и протянула малышке:

– На, только утихни.

Цепкие пальчики схватили конфету. Катенька вскочила и начала сосредоточенно разворачивать добычу.

– Ужасно! – воскликнула Фокина. – Понимаете, что вы сейчас сделали?

– Успокойтесь, – мрачно ответила молодая женщина, – я не воровка. Непременно оплачу товар.

– Красть нехорошо. Но это ерунда по сравнению с тем, как вы только что поступили! – воскликнула Алла.

Мамаша непонимающе уставилась на нее. А Алла быстро подняла с пола брошенную ребенком обертку и громко заявила:

– Травите ребенка! Полюбопытствуйте, из чего сварганили эту гадость. «Стопроцентный растительный шоколад». Чушь! Разве конфеты в поле собирают? Состав: пальмовое масло, соя, э… раз, два, три… шесть штук «Е», ароматизатор идентичный ванилину, подсластители, следы арахиса. Боже, там еще и арахис наследил!

Мамаша молча моргала. Аллочка подскочила к девочке и попыталась отобрать у той с боем полученную конфету, приговаривая:

– Немедленно перестань жевать. Мама твоя неправильно поступила!

– Она няня Вера, мамочка на работе, – взвизгнула капризница. – Отстань! А! А! А!

– Вот съешь дрянь и превратишься в обезьянку, – пригрозила Фокина, – тебя отправят в зоопарк, посадят в клетку.

– Не порите чушь, – очнулась Вера. – Детей нельзя обманывать!

– Малышей нельзя травить! – ринулась в атаку Алла.

– Не ваш ребенок, вот и не лезьте, – топнула та ногой.

– И не ваш тоже, – мигом сориентировалась Алла. – Интересно, ее мать в курсе, чем наемная работница угощает ее кровиночку?

– Ха! Я Катьке реально родная мать! – заорала Вера. – Евгения домой за полночь является, ей дочь не нужна, просто выкачивает из бывшего мужа деньги на содержание общего ребенка. Отстаньте! Катя, Катя! Куда она подевалась? Не девчонка, а оторва. Шесть лет всего, а хитрости и коварства на троих подростков хватит.

Алла не упустила момента уколоть няню:

– Видно, кто-то прекрасно Екатерину воспитывает – баловница по полу катается, а ей за капризы не ремня дают, а сладкое. Это отрава, но ребенок конфету за награду считает. В следующий раз Катя еще громче завизжит.

– Отвали, бабка, чего привязалась? – со слезами на глазах потребовала Вера. Потом она посмотрела на меня: – Утихомирь свою старуху, иначе я за себя не отвечаю.

Я потянула Аллочку за руку.

– Пойдемте, нам надо купить геркулес.

– И разрешить безответственной особе калечить малютку? – сверкая очами, воскликнула мать Кости. – Катерина от употребления этой дряни вырастет генетически измененной, родит мутанта! Что будет с человечеством через сто лет? На земле снова распространятся обезьяны! Хвостатые, лохматые! Надо предотвратить катастрофу!

– Катя! Катя! – надрывалась Вера.

Я решила сменить тактику.

– Костя просил купить ему журнал.

– Катя! Катя! – вопила няня.

Аллочка поправила волосы.

– Помнишь название издания?

– Естественно, – обрадовалась я.

При упоминании имени любимого сына Фокина сразу забыла про малютку.

– Я тут, – запищал ребенок.

– Ну и где ты?.. А-а-а!!!

Вопль Веры взметнулся к потолку. Мы с Аллой одновременно обернулись и уставились на няньку. Она, продолжая издавать нечеловеческий вой, указывала куда-то вбок. Я посмотрела и взвизгнула, Аллочка схватила меня за руку, уткнулась в плечо и прошептала:

– Сгинь, рассыпься! Это кто?

Я не верила своим глазам. У стеллажа с печеньем стояла маленькая… обезьянка. Животное имело темно-коричневую шубку, грязные, похожие на мужские, ступни с оттопыренными большими пальцами, длинный хвост, круглые уши и человеческие кисти рук, перепачканные шоколадом. Личико тоже не напоминало мордочку мартышки, выглядело детским и сверкало улыбкой, обнажавшей неровные мелкие зубки шестилетки, а не желтые клыки звериного детеныша. Часть подбородка, щек и кончик носа странного создания были покрыты коричневыми пятнами.

– Ты кто? – спросила я.

– Катя, – отрапортовала малютка и потрясла хвостом. – Не узнали? Я теперь обезьянка, как злая тетя говорила. Хочу бананов!

Поскольку все взрослые находились в состоянии шока и молчали, девочка-мартышка весело завизжала и удрала прочь.

– Мне это показалось? – пролепетала Вера, цепляясь за стеллаж. – От жары глюки начались?

– Она реальная макака? – прошептала Аллочка.

– Этого не может быть, – неуверенным голосом пролепетала я, – человек не может превратиться в примата.

– Но у Кати хвост, – промямлила Вера. – И жуткие лапы. И шерсть по всему телу. Господи, что делать? Евгения меня убьет! Нет, я к хозяйке не вернусь. Боюсь.

– Главное, сохранять спокойствие, – выдохнула я, – безвыходных ситуаций не бывает.

– Тебе просто не довелось работать няней, – простонала Вера. – Во всем старуха виновата – накаркала Катьке стать обезьяной, и все сбылось. Ведьма!

– Я не желала ребенку зла, – всхлипнула Алла, – наоборот, хотела ей помочь, отнять вредную конфету.

– Перестаньте говорить глупости! – рассердилась я. – Обсуждаете ерунду, девочка не могла стать макакой.

– Вы же ее видели, – захныкала Вера, – хвост длиной с Каменный мост.

– Нам показалось, – уверенно возразила я. – Свет так в спину ребенку падал, что получился эффект продолжения позвоночника. Успокойтесь, зеленых человечков не бывает. Лохнесское чудовище – миф. Привидения не летают по замкам. Малышки не покрываются шерстью.

– Я тут! – заверещала Катя. – Ем банан!

Мы снова в едином порыве повернулись на звук. Я ощутила головокружение и тошноту. Тонкий, изогнутый, смахивающий на садовый шланг хвост был прекрасно виден. Круглые уши, коричневая шерсть, грязные ступни, похожие на руки мужика, занимающегося тяжелой физической работой…

– Раньше она даже не прикасалась к бананам, – закатывая глаза, простонала Вера, – говорила, они противные и невкусные.

Катя швырнула на пол шкурку.

– Я теперь обезьянка, а они кушают фрукты! У-у-у!

Издавая то ли вой, то ли стон, девочка опять унеслась.

Вера села на пол, прислонившись спиной к стеллажу с банками с какао, и начала молиться, приговаривая:

– Добрый боженька, подскажи, чего делать, а?

– Она существует, – в ужасе произнесла Аллочка. – Так, секундочку! Вилочка, у тебя же есть мобильный?

– Конечно, – кивнула я.

– Давай его сюда, – потребовала мать Кости.

– Хотите воспользоваться сотовым? – обомлела я. – Но он же вреден для вашего здоровья.

И тут ожило местное радио.

– Родители девочки-обезьянки. Ваш ребенок безобразничает в отделе фруктов. Убедительная просьба забрать дочь. Спасибо за понимание.

– Ее все видят, – зарыдала Вера, – значит, она взаправду превратилась. Это не глюк. Как мне вернуться к хозяйке? Евгении, конечно, на Катьку плевать, она и через год не заметит, что случилось! Мамаша месяцами в детскую не заглядывает, только спрашивает у меня: «Катюха о’кей?» Слышит утвердительный ответ и на очередную тусовку усвистывает. Но Семен Петрович, отец ребенка, совсем другой. Он девочку на субботу-воскресенье к себе берет. Как ему макаку показать? Ну ладно, в ближайшие выходные я могу сказать, что Катя заболела. Но это только отложит мою казнь. На следующей неделе Семен Петрович снова женится, бывшую супругу он на свадьбу не позвал, а вот Катька должна нести шлейф платья невесты. Кому понравится иметь в торжественный день в подружках обезьяну? Семен меня убьет.

Вера закрыла глаза руками. Я хотела поинтересоваться, кого же ей больше жаль: себя или несчастную кроху, которой предстоит жить хвостатой макакой, но прикусила язык.

Глава 9

Пару мгновений наша компания пыталась справиться со смятением чувств. Первой опомнилась Алла и повторила свою просьбу:

– Вилочка, дай телефон. А еще лучше сама набери номер. Я его наизусть помню, очень простой, почти все цифры одинаковые. Вера, не плачь. Сейчас попробую тебе помочь. Ну, сделай вдох-выдох! Вдох-выдох!

Няня послушно засопела, а я под диктовку Аллочки принялась нажимать на кнопки. Услышала мерные гудки, потом профессионально вежливое: «Клиника, здравствуйте» и передала телефон Аллочке.

– Девушка, – затараторила Фокина, – соедините меня с отделением косметологии. У нас случилась… э… некая странность. Девочка пяти лет покрылась шерстью. Можно ли сделать ей в срочном порядке, прямо сейчас, лазерную эпиляцию? Нет, не говорите цену, она не имеет значения. Прекрасно. Есть еще одна проблемка – у малышки в одночасье вырос хвост. Да, вы правильно поняли, была девочка, стала обезьянка. Есть ли возможность купировать отросток? Что? Вот нахалка!

Аллочка вернула мне телефон.

– Набери еще раз. Сейчас я потребую к трубке главного администратора, пусть объяснит невоспитанной сотруднице, как положено беседовать с постоянными клиентами. Я у них покупаю крем для рук, они его сами делают из экологически чистых компонентов. Выходит, когда я заказываю очередную банку, все там сладкие финики, а как возникла серьезная проблема, так хамят?

Вера перестала всхлипывать и неожиданно проявила живой интерес к ситуации.

– Что она вам ответила?

– Отправила в ветеринарную лечебницу, – кипела возмущением Фокина. – Сказала: «Обрез хвостов отсутствует в перечне наших услуг. Обратитесь в клинику «Сто попугаев».

Я спрятала трубку в сумку.

– Мы не имеем права отправлять Катю ни на какие процедуры без согласия ее родителей. И эпиляция не решит проблемы, шерсть быстро отрастет.

– Родители девочки-обезьянки, немедленно пройдите на первую кассу, где вас ждет заведующий, – засипело радио, – в противном случае вызовем полицию. Спасибо за понимание.

– Надо идти куда просят, – приняла решение Алла, – нужно уйти из торгового центра. Сядем в машину, Вера позвонит Евгении, а я встречусь с матерью Кати и попытаюсь ей все-все объяснить.

– Мне страшно, – затряслась няня.

Я подала ей руку.

– Нельзя же жить в супермаркете. Давай, будь мужественна.

У кассы нас встретил невероятно серьезный мужчина в костюме.

– Девочка-обезьянка ваша? – уточнил он. – Вон она, около охранника стоит.

Катя, прыгавшая на расстоянии метров ста от кассы, замахала руками.

– Наша макака, – шмыгнула носом Вера.

– Оплатите испорченный товар и впредь следите за дочерью, – отчеканил заведующий, протягивая няне листок.

Я успела схватить бумажку первой, начала читать список и возмутилась:

– Два кило бананов? Ребенку столько не съесть!

– Она их расшвыряла, – уточнило местное начальство.

– У меня денег мало, – перепугалась Вера, – Женя на хозяйство гроши выделяет.

– Не хотите платить, вызовем полицию, – гаркнул мужчина.

Алла взяла у меня список, глянула на бейдж менеджера, нежно улыбнулась и зачирикала:

– Что ж, уважаемый Вениамин, пусть полицейские приезжают немедленно. А я пока соединюсь со своим адвокатом, и он объяснит вам…

Тут ласковое выражение испарилось с лица Фокиной, она вплотную приблизилась к служащему и зашипела:

– И он объяснит вам, что за товар, случайно испорченный покупателем, несет ответственность магазин. А еще он поинтересуется, как девочка могла выпить пять бутылок элитного виски, выкурить шесть блоков самых дорогих сигарет… Что у вас там еще в перечне? Жареная индейка, два торта, три кило шоколада… Нет, я настоятельно требую сюда полицию!

Вениамин покраснел и попытался отнять список, но Алла быстро запихнула его за пазуху и пригрозила:

– Только сделайте шаг, и я обвиню вас в сексуальном домогательстве.

– Ошибочка вышла, – затараторил Вениамин, – я случайно подал вам записку от жены. У нее сегодня день рождения, надо продукты купить. Ваша обезьянка расшвыряла бананы, их собрали, претензий нет. Уходите спокойно. Спасибо за понимание.

Пока заведующий фонтанировал словами, я оглядывала посетителей, руливших с тележками к кассам, и не понимала, почему никто из них не тычет в Катю пальцем и не вопит: «Гляньте! Ребенок-макака!»

Хотя… наш народ каждый день смотрит по телевизору новости, и его такой ерундой, как девочка-обезьяна, не напугать и не удивить.

– Гриша, отпусти ребенка, – крикнул менеджер.

Секьюрити посторонился, Катя ринулась к выходу из магазина, достигла небольших ворот, через которые люди шли к дверям, и тут же раздался воющий звук.

– Вениамин Сергеевич, – забасил другой охранник, хватая отчаянно сопротивляющуюся Катю, – тут ребенок в маскарадном костюме удрать намылился! Бипер сработал.

– В чем? – хором спросили мы.

– Немедленно оплатите наряд! – обрадовался Вениамин. – Пугали меня адвокатом, а у самих дочка воришка. Маленькая, да удаленькая! Вон оно как! Сносилась малолетняя пройда в отдел «Все для карнавала», вскрыла пакет, переоделась макакой и дала деру. А вы делаете вид, что ничего не заметили! С невинными лицами про адвоката заявление делаете! Натренировали девку на разбой. Я думал, вы привели ее в макакином прикиде, а на самом деле…

– Костюмчик! – подпрыгнула от радости Вера и понеслась к Кате.

Мы с Аллочкой, снова лишившись дара речи, наблюдали за ней. Няня живо сняла с Кати наряд.

– Тетя сказала, что я мартышка, – громко вещала малышка. – Я хочу быть обезьянкой! Я пошла и нашла комбинезончик. И хвост. И капюшон. Купи! Купи! Купи! Я в Африке живу! Бананы ем! Сейчас покажу, как в джунглях кричать надо…

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Виола упоминает события, описанные в книге Дарьи Донцовой «Дьявол носит лапти», издательство «Эксмо».

2

«Мюръ и Мерелизъ» – российский торговый дом (1857–1922). В 1922 году был национализирован. В одном из его зданий, возле Большого театра, открыли Центральный универсальный магазин – ЦУМ. – Здесь и далее примечания автора.

3

Вилка сейчас вспоминает события, описанные в книге Дарьи Донцовой «Зимнее лето весны», издательство «Эксмо».

Купить: https://tellnovel.com/ru/darya-doncova/fanatka-gologo-korolya

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить